

История, которая вдохновляет начать заново

ОТ АВТОРА РОМАНА «ТУДА, ГДЕ НЕБО ЧИСТОЕ»

МОЛИТВА К ЗВЕЗДАМ

АРИНА ЗАРУДКО

16+

«Я ловлю ускользающий день дрожащими пальцами в попытках уцепиться за еще один угасающий огонек надежды стать чем-то большим, чем я есть».

Арина Зарудко
Молитва к звездам

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Зарудко А.

Молитва к звездам / А. Зарудко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96829-5

Что кроется за фразой: «И жили они долго и счастливо»? Что происходит после того, как двое людей обмениваются клятвами, обещая любить и уважать друг друга, несмотря ни на что? И самое главное – как быть, если в попытках стать идеальной женой, ты потеряла самое главное – себя? Книга «Молитва к звездам» об ошибках, о потраченном на иллюзии времени, об отношениях, творчестве, предназначении и бесконечном поиске своей истинной сути. Элеонора Блоссом слишком долго была в плену брака, который не принес ей счастья. Она потерялась, оказалась на обочине жизни наедине с вопросом: «Кто я?». Но одна знаковая встреча изменила ход вещей, дав надежду обрести ответы...

ISBN 978-5-532-96829-5

© Зарудко А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

I	5
II	7
III	10
IV	12
V	15
VI	18
VII	22
VIII	25
IX	33
X	38
XI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Арина Зарудко

Молитва к звездам

Всем женщинам, потерявшим надежду найти себя

I

Нора с искренним любопытством рассматривала женщину, сидящую напротив нее. Большие карие глаза, лишенные прежней пылкости и живости, кожа, явно поблекшая и распрощавшаяся навсегда с сиянием, каштановые волосы, некогда бывшие предметом гордости, непослушно вились и мешались. Эта женщина была настоящей красавицей в лучшие свои годы, но в данную минуту ее лицо искажала безысходная тоска и усталость, ставшая ей преданной спутницей и подругой.

Да, собственное отражение уже не нравилось Норе. Она знала, что всевозможные манипуляции с лицом не изменят того факта, что ей уже не двадцать пять, а все сорок. Тем не менее, бесконечные баночки с кремами, пудреница, флакончики с тушью и помадами были расставлены на ее туалетном столике как напоминание о том, что все это еще способно задержать лик молодости.

Причесав кудри щеткой, она вздохнула, подошла к столику у окна и налила из графина вина. Сладкая, прохладная жидкость привела ее в чувства и напомнила, кто она такая – Элеонора Блоссом, жена министра финансов, первая красавица Лондона и душа любой компании. Опустошив бокал, она встряхнула вьющейся гривой и позвонила, чтобы ей принесли отглаженный туалет. Сейчас ей нужно привести себя в порядок и ровно через час спуститься на прием, который организовал ее муж к приезду посла. Чудовищная скука. Так она думала практически обо всех званных ужинах и приемах за последние три года. Утомительная и посредственная публика. Куда делись те вечеринки и обеды, которые она так любила? Это было, когда они жили в Париже. Там Нора имела знакомства с именитыми художниками и иными яркими представителями нового искусства. Ей нравилось вести пошлые беседы, сплетничать, прикуривая и смеясь звонким смехом. Там у нее действительно было много друзей и увеселений. Но когда пришлось вернуться на родину, она явственно столкнулась лицом к лицу с тем, что она уже не юная девочка, а достопочтенная дама, которой за сорок. Как это ее коробило! Учитывая, что в душе ее играл джаз, а в мечтах она все так же пила шампанское в окружении богемы и кичилась тем, что может даже в своем положении это себе позволить. Ее муж всегда был против подобного времяпрепровождения, но оставляя Нору на несколько дней в одиночестве, он и понятия не имел, как и с кем та проводит досуг. И он наивно полагал, что его чистая, преданная супруга внемлет его просьбам не водиться с парижскими мотами. Порой, мужская простосердечность до абсурда смешна. Вспоминая сейчас те дни, Нора улыбалась грустной улыбкой, закуривала и включала пластинку, дабы хоть на миг очутиться в иной реальности.

Будучи во все оружие, она спустилась к гостям и одаривала их улыбками и лстивыми комплиментами. Странно, когда же это она опустилась до такого? Положение ее мужа обязывало непременно быть любезной и делать все, что способствует росту его авторитета. Сам Ричард Блоссом появился на сборище куда позже, ссылаясь на срочные дела, не требующие отлагательств. Как обычно. Прямая осанка, немного узковатые для мужчины плечи, светлая шевелюра и такие же светлые густые усы – Ричард Блоссом обладал приятной для политика внешностью, он ухаживал за собой чуть ли не больше, чем его супруга, и его правильные черты только раскрывались с годами, делая его лицо даже более милостивым, нежели в юности. Уди-

вительно, отчего мужчины только хорошеют с возрастом в отличие от женщин, постепенно увядающих?

– Ты заставил меня общаться с этими прихлебателями. Не мог приехать вовремя хотя бы сегодня? – После ужина Нора дала волю чувствам. Она редко выказывала свое недовольство, предпочитая запивать его вином.

В это время Ричард сидел у камина, задумчиво и устало смотря на огонь. Когда жена обратилась к нему, он вздохнул и ответил, не поворачивая головы.

– Я знаю, что ты прекрасно справишься с подобными вещами. Развлекать публику – умение, которое ты отточила до блеска за эти годы.

– Но я вовсе этого не желаю. Мне совершенно не нравится эта публика.

– Выбирать не приходится, дорогая.

– Ты мог бы проявить каплю благодарности? Пока тебя убажает очередная девица, я из кожи вон лезу, чтобы все эти клоуны были довольны.

Она встала и направилась к двери.

– Я признателен. Мы с тобой отличная команда, Нора. Я обеспечиваю тебе богатое существование, а ты обеспечиваешь мне спокойствие и поддерживаешь мое доброе имя. Сделка на миллион, не правда ли?

Нора помолчала, язвительная улыбка скользнула по ее лицу.

– В самом деле, Дик. Это моя прямая обязанность. Я перестала жаловаться вот уже десять лет как. Не следует начинать.

– Ты устала. Доброй ночи.

– Доброй, Дик.

Она вышла из гостиной и пока поднималась по лестнице, в ее голове гудел один и тот же вопрос: «*Когда же я опустилась до такого?*». Почему-то было невыносимо осознавать, что она ничего не значит в этом мире, только играет отведенную ей роль – ни больше, ни меньше. Вся ее жизнь была пустотой, хотя когда-то она была по-настоящему счастливой и любила мужа всем сердцем. Прискорбно и смешно было понимать, что все вокруг считают их идеальной парой. Раньше она могла изливать остатки любви на детей, но теперь они выросли, и у каждого из ее дорогих сыновей свой путь. Она никому не нужна, а если и нужна, так для поддержания имиджа, ради связей и прочих корыстных целей.

По-настоящему страшным и горьким бременем всегда становится то, что когда-то было безмерно дорого. Для некоторых любовь, которая раньше была всем на свете, единственной отрадой, спустя годы становится лишь жестоким напоминанием об ужасной потере. Любовь Норы к Ричарду стала теперь отягощающей обузой. Взгляд на него – взглядом на угасшую страсть и воспоминанием о моментах радости, которые уже никогда не повторятся.

II

Нора узнала о первой измене мужа, когда они уехали в Париж. Тогда она еще верила, что все трудности временны, что их любовь преодолет охлаждение и взаимное отчуждение. К тому же, новая обстановка должна была благотворно повлиять на их взаимоотношения. И это великое заблуждение. Надежда. Надежда на то, что брешь, образовавшаяся в отношениях двух людей, может быть заполнена. Надежда на спасение уже упокоенной любви. То, что погибло, невозможно оживить. Любовь нельзя воскресить или возродить, если она сгорела.

В тот момент надежда еще жила в душе Норы. Конечно, долгие годы брака, двое детей, меньше времени, проведенного вместе, больше отдаления и обязанностей, больше масок в обществе и даже в собственном доме. Как бы Нора ни хотела докопаться до истинных причин, забирающих ее любовь, ей они были неведомы. Для окружающих они оставались идеальной парой, примером счастливых и гармоничных отношений, а на деле это были двое совершенно чужих людей, уставших друг от друга. К такому никто не готовит. Никто перед тем, как отправить тебя под венец, не говорит, что твой муж через несколько лет тебя разлюбит, и будет общаться с тобой как со старой знакомой. Ни нежного обращения, ни ласкового взгляда – в конечном итоге не осталось ничего. Но тогда, в Париже, в их глазах поблескивали искорки, а теплая привязанность выражалась в мимолетных объятиях и разговорах. Длилось это все крайне недолго, ибо Дик уже нашел иной источник любви и наслаждения, из которого мог напиться всласть. Нора, конечно, все видела, но боялась произнести это вслух, тогда это стало бы реальностью.

– Ты собираешься развестись со мной? – выдала она однажды за ужином, разбитая и не понимающая смысла своих слов.

Ричард встрепенулся и спокойным, даже смешливым тоном сказал, что она несет околесицу.

– Это было бы правильно. Я все знаю, Дик. Не стоит тратить слова на оправдания.

– Посвяти меня, что же такого ты знаешь, – ответил он не сразу.

– Прошу тебя, обойдемся без этого. Твои похождения известны уже чуть ли ни всему Парижу.

– Это твои пташки мира искусства напели?

Нора молчала, искренне не понимая, как могла всю жизнь любить столь жалкое, лишенное капли мужества, существо. Зато она отлично понимала, что теперь течение этой жизни резко изменится, но она не станет прилагать силы к тому, чтобы этому помешать. Лучший вариант – пустить все на самотек. В конце концов, мужчины – гуляющие животные, как коты. Соответственно, ждать иного от представителя этого пола бессмысленно, это имманентно, это в их природе, в самой их сути. Позже она будет думать о том, что, нагулявшись, муж все равно вернется и, возможно, их связь станет еще прочнее. Нужно же порой посещать ресторан, чтобы отдохнуть от домашней стряпни? Так думает большинство женщин, столкнувшихся с изменой, полагая, что подобное оправдание трезво и резонно. Но, увы, это не более, чем иллюзия.

– Разве имеет значение, откуда я узнала? Не увертывайся, а признайся во всем честно. Думаю, я заслужила честности за пятнадцать лет совместной жизни.

– Более чем.

– Ну, так что же? Развод?

– Ты говоришь глупости, – вновь повторил он.

– Неужели? Я *говорю* глупости, а ты их делаешь! Кто же та девица, которая решила опорочить мое имя?

Ричард хотел было что-то сказать, но Нора остановила его и продолжила, словно одумавшись.

– Хотя нет. Стоп. Я не хочу ничего о ней знать, и она ни в чем не виновата. Она лишь подспорье, средство, чтобы унижить меня, бедное создание, которое попало в когтистые лапы. Как же я ей сочувствую!

– Ты права, – спокойно произнес он. – Элен тут не при чем.

Нору неприятно кольнуло его холодное равнодушие. Он перестал сопротивляться, но и оправдываться не собирался. Как это было странно... Она помнила, какой он был энергичный, с яркой харизмой, вспыльчивый, горячий как кипящая раскаленная лава, и вот теперь перед ней сидел уставший, ледяной и бессовестный изменник. Вероятно, время стирает с нас всю живость и бодрость, тушит любой огонь амбиций и страсти. Как же прискорбно было сознавать, что ей, Норе, больше не увидеть былого огня во взгляде ее супруга, неужели она сама его затушила своей вечной озабоченностью и стремлением к идеальному браку?

– Значит, ты сознаешься, – заключила она. – И что теперь? Я имею в виду... Что же дальше?

– А что может быть дальше? – улыбнулся Ричард, он был так спокоен, как будто они обсуждали поло или последние газетные новости.

– Что будет *с нами*, Дик?

– С нами? Хм. С нами все будет как раньше. Неужели ты думаешь, что я уйду, Нора? – Его голос внезапно обрел теплые, даже несколько нежные ноты.

– Но ты же... Ты любишь ее?

– Нет. Я люблю тебя, Нора. А это просто способ отвлечься. Не думал, что мой поступок обретет гласность. В конце концов, это лишь невинная интрижка. Слишком много слов мы тратим на ее обсуждение.

– Дик, – Нора явно скептически отнеслась к его словам. – Я понимаю, что наше общество прогрессирует, но... Ты же сам всегда был против подобного? Ты ревновал меня даже к водителю! Что там к водителю... К швейцару в ресторане!

– Я и сейчас тебя ревную, – с ухмылкой бросил он.

– Ты круглый идиот.

– А ты прекрасна, когда злишься.

– Не стоит пытаться убедить меня, что ты предал меня из желания насладиться моей красотой.

– Мне нравится, что ты не устраиваешь истерики, – он закончил завтрак и вытер губы салфеткой. – Это мне всегда в тебе нравилось – твое достоинство. Ты подлинная леди. Я не хочу, чтобы что-то менялось. Я клянусь тебе, что это ничего не значило. Мы останемся нами.

– Мы уже давно – *не мы*, – презрительно бросила она и удалилась из столовой.

С той поры начался перелом. Он случился с Ричардом гораздо раньше, а с Норой именно теперь. Где-то в глубине души она и верила, что все можно исправить. Но как? Как исправить то, что любовь убита? В отношениях между двумя людьми рано или поздно возникает пропасть, но трещину дают именно люди, именно их неспособность, отчаянное неумение любить по-настоящему. Ведь если что-то подлинно искреннее и чистое связывает двух людей – эти пути не оборвать. Но если брак построен на притворстве или на страсти, или на минутном романтическом порыве – одна трещина порождает бездну, которую не залатать.

Вспоминая сейчас тот момент, когда Нора впервые столкнулась с предательством мужа, она усмехалась. В этой усмешке не было жалости или ненависти, в ней была лишь усталость. За годы брака, начинавшегося так счастливо, она износилась, словно платье, которое надевают на выход всякий раз на протяжении десятка лет. Как странно осознавать, что люди, любившие друг друга (или уверенные в том, что любят), могут в одночасье стать абсолютно чужими. Нора давно с этим смирилась. Она безропотно исполняла обязанности супруги, но мы имели шанс увидеть сцену, в которой сердце ее попыталось заговорить, выплеснуть свое негодование. Но эти попытки никогда не приводили к цели. После разговора в Париже десять лет тому назад,

она переменялась. И хоть проблески счастья загорались на горизонте, увы, сущность ее супруга не изменить. Его измены стали настолько нормальным явлением как восход и закат солнца, а протесты Норы против такой природы вещей медленно преобразовались в смирение, глухое и холодное. Чем дальше, тем к более радикальным методам она прибегала для успокоения нервов – сначала это была парижская богема, затем алкоголь и опий. Вот и этим вечером она не могла уснуть без порции снотворного. И в полном забытии она все же довольно четко увидела свою ушедшую молодость, подвенечное платье и сожженные дотла мечты о счастье.

III

Хрупкая, словно фарфоровая кукла, Нора, жалась к крепкому и горячему телу Ричарда в момент их первых объятий. Они познакомились, когда ей едва исполнилось восемнадцать, а он уже был довольно состоятельным молодым человеком двадцати пяти лет. Она ничего не смыслила в любви, он же был своенравный, амбициозный и невероятно страстный – он разжигал в ней бурю чувств, кипящих и разгорающихся в груди. Это была вспышка. Увидев ее на балу, он понял, что Элеонора Джонсон должна *принадлежать* ему. Через полгода он сделал ей предложение, и она, конечно же, согласилась. Обе семьи были без ума от счастья. А Нора... Нора была глупышкой. Влюбленной глупышкой, как все юные девицы в восемнадцать. Что она могла понимать в любви? Она не общалась с юношами, а о том, как полагается себя вести с ними, узнавала из романов. Совершенно неопытная девочка с романтизированным сознанием. Ричард тоже не был эталоном ментального здоровья и рациональности. Он был самодоволен, но при этом добродушен и открыт. Конечно, у него за плечами было куда больше опыта, ему довелось даже однажды разорвать помолвку с одной юной леди из-за непримиримых противоречий между ними. А Нора казалась ему смиренной, очаровательной и наивной милашкой, которая улыбалась на его комплименты и взирала на него, словно на божество. Что, по сути, она могла ему дать, кроме своей молодости и красоты? Она не обладала выраженным умом, была абсолютно незрелой и по уши влюбленной. В подобных случаях призывать к рассудку бесполезно. Кузина Норы Сара как-то решила обсудить с ней столь скоропалительное решение выйти замуж, но осталась ни с чем, разве что с еще большим разочарованием в женском поле.

– Неужели ты и впрямь потеряла голову, что согласна выйти за него, зная его всего ничего?

Нора вздохнула и улыбнулась.

– А почему меня должно это останавливать? Я уверена в нем. Он делает меня счастливой, а я – его. К чему тянуть, если мы прекрасно узнали друг друга? Да и у нас будет достаточно времени, чтобы узнавать больше после свадьбы.

– Ты же знаешь, что в раннем браке нет ничего хорошего? Посмотри на миссис Рич, вышла замуж в 17, а повзрослев осознала, что ее муж – пустое место. Пришлось ждать, пока он отойдет в мир иной, чтобы освободиться. Нам, женщинам, тяжело выпутаться из брачных уз.

– Я не собираюсь из них выпутываться. Пойми же ты, у нас настоящая любовь! Я это знаю. Он никогда меня не оставит, и я не захочу оставить его. – Нора начинала злиться, но Сара не сдавалась.

– Это ты сейчас так говоришь. Любовь, знаешь ли, проходит. А что остается?

– Перестань! Ты хочешь отговорить меня?

– Нет. Я хочу, чтобы ты подумала еще раз очень хорошо. Если он и вправду тебя любит, он будет ждать столько, сколько нужно. Не нужно бросаться в объятия первого встречного джентльмена. Ты еще так юна! И совершенно не разбираешься ни в людях, ни в своих чувствах. У тебя еще есть время, чтобы все обдумать, прежде чем совершить огромную ошибку.

– Я больше не намерена это обсуждать, – ответила она гордо. – Я выйду за Ричарда, а что будет, того не миновать. Можешь осуждать меня, но мне все равно.

Возможно, в этом поступке, лишенном и капли благоразумия, усматривается и боязнь остаться тридцатилетней старой девой, как ее сестра Сара. Часто психологические проблемы порождают примеры окружающих. Но чаще – наши необдуманные решения.

Свадьба Ричарда и Элеоноры была шикарной: роскошь и достаток пестрели в каждой мелочи, и от этого Нора чувствовала себя настоящей принцессой. Она даже поймала себя на мысли, что не может взять в толк, чем заслужила такое несказанное счастье. Но, как водится, счастье не длится вечно, особенно когда не знаешь, что оно означает на самом деле.

Конечно, годы безмятежности и тихого спокойствия сменились рутиной, тягучей обыденностью и вскоре приобрели оттенок серой и тусклой привычки. Рождение первого сына, затем второго, путешествия, притворство, выдаваемое за счастливое течение жизни. Часто люди даже не знают, что притворяются, настолько прочно они убеждены в том, что чувствуют себя отлично. На деле, мы редко анализируем свои чувства, редко стремимся постичь чувства ближнего, редко учимся терпимости и любви. Поэтому мы лишены мудрости, трезвости ума и зрелости чувств. Нора прозрела только тогда, когда получила нож в спину, но все раны заживают рано или поздно. Или это снова самообман?

IV

Позавтракав в одиночестве, Нора прилегла на кушетку у окна в своем будуаре, чтобы почитать свежие новости и выпить мартини. Капли дождя энергично били по стеклу, застилая потоками воды вид на сумрачный, сонный город. Чем сегодня заняться? Нора только сейчас пришла к выводу, что в ее жизни осталось место лишь алкоголю и скучнейшим светским беседам. *«Стоило пойти учиться или начать свое дело. Только какое? Кто я? Что хочу делать? Господи, мне уже за сорок, о чем я думаю... Кому я сдалась?»*. Она быстро переключилась на журнал мод, а затем уснула под стук дождя, заливающего улицы водопадами с небес. Проснулась Нора от голоса горничной.

– Что такое, Кейси? – сонным голосом промурлыкала она.

– Мне не хотелось вас будить, мэм. Но к вам редко заходят гости, я подумала, что это важно.

Нора привсталла и машинально поправила прическу.

– Кто пришел?

– Леди представилась как мадам Бланш Гринсби.

Нора встрепенулась и пришла в себя.

– О, что ж... – она с минуту подумала. – Я спущусь через пару минут. Подай в гостиную чай и ленч, Кейси.

– Да, мэм.

«Бланш здесь? Удивительно!» – мелькнуло у Норы в голове. С Бланш Гринсби Нора познакомилась в Париже. Они не были близкими подругами, но она нравилась Норе, потому что вела себя естественно, и даже если эта естественность выражалась порой в заносчивости, Бланш все равно это не скрывала. Она была знатной дамой, которая вышла замуж по расчету и ничуть об этом не жалела, детей у пары не было, возможно, по причине страсти Бланш к молоденьким офицерам. Не спать с мужем – вполне нормальное явление в высшем обществе, поэтому Бланш открыто делилась со всеми знакомыми своими похождениями. До мужа, как ни странно, слухи не долетели ни разу. Когда Нора жила в Париже, они часто виделись с Бланш, сплетничали и весело проводили время. В Бланш была задоринка, она всегда всех сместила и вселяла какую-то бодрость духа. Складывалось ощущение, что в ее жизни никогда не происходит ничего такого, что могло бы омрачить ее существование.

– Бланш! – Нора была искренне рада видеть старую знакомую, которая так вовремя появилась и развеяла мучавшую ее скуку.

– О, Эли!

Выглядела Бланш Гринсби как букет свежих лилий – беленькая, стройная, пышущая здоровьем и жизненной энергией. Она была немного моложе Норы, копна светлых волос уложена под изящной шляпкой, а веселые голубые глаза сияют уверенностью и радостью. Одета она была по парижской моде, со вкусом, и все детали ее туалета идеально соседствовали друг с другом.

Старые подруги обнялись, и хозяйка предложила гостье снять шляпку и согреться горячим чаем с молоком и сэндвичами.

– Как я рада, что ты здесь. Я готова лезть в петлю от скуки. Давно ты в Лондоне?

Бланш грациозно сбросила шляпку, украшенную красной лентой, мотнула головой и нежно взяла руку Норы.

– Я тоже очень рада тебя видеть, дорогая! Мне так надоели эти лондонские сухари... Мы приехали всего неделю назад, а я уже задыхаюсь в этом ужасном городе. Я так отвыкла от Лондона, прожив большую часть жизни во Франции... Уоттс говорит, что ему нужно решить какие-то вопросы. Мне безразлично какие. Сегодня я свободна и наконец вырвалась навестить

тебя! Мы так давно не виделись! Как ты поживаешь, Эли? Ты будто похудела. Из тебя здесь высасывают жизнь?

– Я поживаю хорошо, Бланш. Мне бывает ужасно тоскливо с местным обществом, но это пустяки! Единственные люди, которые мне важны, и те совершенно мной пренебрегают.

– Ты о детях? Именно поэтому я и не завожу детей. Я решила это очень давно. Дети – неблагодарные существа. А еще они связывают тебя обязательствами. Да и какая из меня мать! Я сделала великое дело – избавила пару жизней от такой небесной кары – быть моим чадом!

Нора улыбнулась. Она всегда восхищалась тем, как Бланш умела преподносить правду.

– Я, конечно, приукрашиваю, мальчики приезжают несколько раз в месяц. Я понимаю, что у них свои жизни, и не имею права требовать больше.

– Ну а как же ты, Бланш? Какие новости? – спросила Нора после короткого молчания.

– Что я могу сказать, мой благоверный в панике. Все кругом толкуют о войне. И он туда же! Тащит меня в Америку, бог знает куда!

– Войне? – удивилась Нора.

– Ты ничего об этом не слышала? Неужели? – Бланш изумилась не меньше. – Да-да, это сейчас острая тема. Твой муж не говорил тебе?

– Вероятно, еще не успел. – Нора взяла чашку с чаем, по телу пробежала неприятная дрожь.

– Я не знаю всех подробностей, но люди из круга моего мужа не на шутку напуганы. Все они умывают руки, бегут как крысы с тонущего корабля. Мы следуем их примеру.

– Это очень страшный слух. Я полагаю, Дик сказал бы, если бы дела обстояли плохо.

– Ну, дорогая, возможно, скоро он сам обо всем узнает. Бросим эту тему, от мысли, что мне придется плыть на край света, я теряю остатки рассудка. Расскажи-ка мне, что интересного сейчас идет в театре?

Они обсудили какие-то светские новости, и Бланш, словно вспомнив что-то неописуемо важное, вскрикнула:

– О, как я могла забыть! Я в пять должна пить чай у Стоунов! – она достала зеркальце и принялась прихорашиваться.

– Стоунов? – Нора словно слышала эту фамилию впервые.

– О, боже, Эли, ты не знаешь Стоунов? – удивилась Бланш, пряча зеркало в сумочку.

– Возможно, и слышала. Напомни мне.

– Ты меня поражаешь! – Бланш по-доброму усмехнулась. – Я жила в Париже столько лет, но успела познакомиться с ними.

– В последнее время меня совершенно не заботит здешнее общество.

– Ты обязана познакомиться с Кэролайн Стоун, потрясающая особа! Она устраивает обед через пару дней, я достану приглашение. Не вздумай отказываться! – возразила она на скептический взгляд Норы. – Эта женщина – богиня! Я в шоке, что вы не знакомы. Вы могли бы стать близкими подругами.

– Что ж, мне не помешало бы развеяться и познакомиться с богиней.

Когда Бланш ушла, Элеонора еще долго сидела в гостиной, вспоминая свое знакомство с этой взбалмошной и такой беззаботной англичанкой французского происхождения. Бланш принадлежала к совершенно иному типу людей, нежели Нора, но она приносила нечто забавное и легкое в беседу, разряжала обстановку, а порой так хочется просто говорить о чепухе и хотя бы на мгновение забыть все тяготы реальной жизни. Таким как Бланш особенно легко идти по жизни: они удачливы и оптимистичны именно потому, что не нагружают свою голову философскими думами, они просто живут и черпают из этой жизни всевозможные блага. Как правило, такие люди чихают на мнение окружающих, по этой причине их счастье безусловно.

Нора словила себя на мысли, что последние дни она слишком часто думает вместо того, чтобы весело проводить время. Вовсе не обязательно иметь счастливый брак, чтобы быть весе-

лой и беззаботной, как Бланш. Та терпеть не может своего мужа, и он это знает, но остается от нее без ума. Их брак – сплошное недоразумение и чистый расчет, но это и делает его радостным, ибо никто никому не обязан. Может, это тактика нового века? Может, не нужно стремиться к идеальному браку? Идеального брака нет, это блеф. Да, ты узнала об этом, дорогая Нора, но от этого твоя жизнь не закончена. Время отринуть прошлое и двигаться в будущее, не стремясь вернуть расположение супруга.

V

Когда Нора получила приглашение от Кэролайн Стоун, она была приятно удивлена. Она не успела обсудить Стоунов с супругом, так как он вынужден был отправиться в Оксфорд по каким-то срочным делам, не требующим отлагательств. Вероятно, эта фамилия была на слуху, потому как Нора была уверена, что кто-то упоминал ее ранее, но ей приходилось знакомиться со слишком многими людьми, чтобы помнить каждого по имени и фамилии. Странно, но Норе хотелось узнать, кто же такая таинственная Кэролайн Стоун, которую так восторженно описала взбалмошная Бланш. Она-то редко хорошо отзывается о людях, особенно когда эти люди женского пола.

И вот, словно в ней открылось второе дыхание, она готовилась к благотворительному обеду, на котором собирались средства для антивоенной кампании. Приглашение, тесненное золотом и собственноручно подписанное хозяйкой, лежало на туалетном столе, с которого Нора взяла длинную жемчужную нить. Она особенно любила этот жемчуг – это был подарок мужа на их десятую годовщину, когда они путешествовали по Италии. Сейчас он перестал казаться элегантным, даже что-то отвратительное было в нем. Поэтому, надев нить, ее лицо сморщилось, и, помотав головой, она сняла его, словно это было не украшение, а хомут. Прекрасная демонстрация того, как наше отношение к дарителю влияет на отношение к подарку. Вместо жемчуга она прицепила к черному атласному платью бриллиантовую брошь и отдала предпочтение украшенной перьями шляпке. Выглядела она невероятно свежо, глаза ее сияли предвкушением приятного вечера в компании новых знакомых, а уголки губ кокетливо улыбались отражению в зеркале, находя его невероятно привлекательным. *«А я еще очень даже ничего, когда не жалею себя»*. С этими мыслями она выпорхнула из будуара, укуталась в песцовую накидку и, дав распоряжения слугам, села в экипаж, где закурила и расслабилась.

Особняк Стоунов находился за Лондоном и был воплощением простого и элегантного стиля. Никакого нарочито навязчивого декора, ярких цветов и пышных садов – все лаконично и со вкусом, так называемый минималистичный шик. Внутри поместье выглядело так же: светлый интерьер дополняли вазы с цветами и предметами искусства, все мелочи в этом потрясающем доме идеально сочетались друг с другом и словно кричали о безупречном вкусе хозяйки, которая с таким вниманием обставила свое жилище.

Нора с порога встретила знакомых, теперь она окончательно расслабилась и ждала минуты, чтобы быть представленной Кэролайн Стоун, которая, к слову, успевала уделить время всем гостям и в данный момент направлялась к прибывшей гостье.

– Миссис Блоссом, как я рада видеть вас у себя! – приятным мягким голосом произнесла миссис Стоун.

Это была высокая и стройная блондинка примерно сорока лет, но выглядела она невероятно свежо и молодо. Она была в белом костюме с широкими брюками, которые еще не успели войти в моду, но после этого вечера явно ставшими предметом обожания лондонских модниц. Живые голубые глаза говорили о добром характере, а сдержанная улыбка о врожденных манерах, дарованных ей аристократическим происхождением. Именно глаза и улыбка пробудили в Норе волну воспоминаний. Да, около глаз появилось несколько морщинок, лицо приобрело иное выражение, но сомнений не осталось, это была *она*. На мгновение Нора словно окаменела, сейчас она поняла, откуда ее терзало странное чувство, что она не раз слышала о Кэролайн Стоун.

– Кэрри? – чуть слышно спросила она.

Миссис Стоун вначале немного удивилась, но затем ее лицо озарила восторженная улыбка, и в припадке радости она ринулась к Норе и крепко ее обняла. Нора почувствовала запах фиалки, который исходил от ее давней знакомой – он был такой же, как двадцать пять

лет назад, и теперь все прояснилось окончательно. После долгих объятий и изумлений дамы еще несколько минут не могли прийти в себя.

– О, Эли, я не могла подумать... Вот так подарок! Как же все-таки тесен мир, и как я этому рада! Прошу тебя, проходи, выпей чего-нибудь перед обедом. Я встречу гостей, и мы с тобой обязательно поговорим. Мне просто не верится! – И с теплой улыбкой Кэролайн оставила подругу, вернувшись к своим обязанностям.

Нора взяла бокал шампанского и присела, чтобы прийти в себя от неожиданности, которая ее настигла. Они не виделись с Кэрри больше двадцати лет и совершенно потеряли связь друг с другом. И вот теперь, в момент, когда Нора погрязла в депрессии, когда она столкнулась с огромной пропастью в своих отношениях с супругом, появляется ее давний друг, который некогда понимал ее так, как никто. Можно ли счесть это за знак судьбы? Кто знает. Но счесть за удивительное стечение обстоятельств – определено.

Кэрри и Нора были близкими подругами во времена, когда жили по соседству в Солсбери. Нора всегда восхищалась Кэрри: ее безупречными манерами, которые не мешали ей озорничать, ее сильному духу и целеустремленности. Она не была похожа на сверстниц, ей хотелось стать великой, хотелось покинуть пределы привычного мира и отправиться в кругосветное путешествие в поисках себя. Такой стержень и сила воли жили в этой хрупкой семнадцатилетней девочке, носившей легкие платья и шляпы с розовыми лентами. Именно контраст ее мягкой внешности с твердым нравом создавали невероятное впечатление при хотя бы минутном общении с ней. Люди ее окружения либо обожали ее, либо ненавидели за высказываемые порой радикальные идеи и дерзкие мысли, которые не следовало бы держать в уме юной леди. Несмотря на это она гнула свою линию, будучи смелой и свободолюбивой, и знала, что ее жизнь будет полна приключений.

– Я уверена, что каждый из нас не случайно появился на свет, – говорила она Норе, когда они качались на качелях в саду. – У всех есть предназначение, главное, понять, в чем оно. Мне мало быть просто женой и матерью или статусной дамой. Я хочу совершить нечто великое, оставить след после себя, понимаешь?

– Наверно, – непонимающе отвечала Нора. – Но что плохого в том, чтобы счастливо выйти замуж за человека, которого ты любишь и посвятить ему жизнь?

– Плохо именно то, что в твоей голове рождается мысль посвятить себя кому-то. Человек обязан только самому себе. В любви нет ничего дурного до той поры, пока она не начинает затмевать твою собственную жизнь, твои цели и мечты.

– А что, если я мечтаю о замужестве?

– Твоя мечта непременно сбудется. Но это же так скучно и примитивно! Мы на пороге нового времени, когда женщинам будет доступно гораздо больше, нежели сейчас. Вот тогда нас перестанут воспринимать просто как инструмент для продолжения рода или как часть интерьера.

– Что ты хочешь этим сказать? – испуганно взирала на подругу Нора.

– То, что мир так широк и необъятен, как и наши возможности. Грех ими не воспользоваться. Я не осуждаю тебя в твоих стремлениях скорее стать женой, но неужели это все, чего ты хочешь? Если любовь и правда придет к тебе, это иное дело. Но даже в любви важно оставаться собой и не терять себя на просторах семейной жизни. Быть счастливой с кем-то возможно только тогда, когда ты счастлива с собой, когда ты нашла свое место в жизни и приблизилась к целостности своей натуры.

– Ох, милая, но можно искать себя очень-очень долго и остаться совсем одной. Как же быть счастливой, когда рядом нет того, кто любит и боготворит тебя?

Кэрри улыбнулась своей умной и спокойной улыбкой.

– А как же любовь к самому себе? По мне, так это та любовь, которая никогда не исчерпает себя.

В таком духе она рассуждала нередко, но чаще с собой, потому как не находила понимание в лице окружающих. Это не мешало ей быть верной своим принципам и жить так, как она считает нужным. Нора же была более кроткой и консервативной. Ее родители были строгими и от единственной дочери требовали покладистости. Как правило, такой подход порождает совершенно противоположный эффект. В случае с Норой – она просто стремилась скорее сбежать из родительского дома и избавиться от бесконечного воспитательно-назидательного процесса, в атмосфере которого она жила. Замужество стало спасательным кругом, выходом, а любовь приятной привилегией к желанному избавлению. Возможно, это действительно было лучшее решение, но сейчас, годы спустя, когда осознанность начала постепенно наполнять Нору, она уже не была уверена в правильности своих поступков. Для многих женщин, особо для тех, кто не сразу открыл в себе таланты или обнаружил склонность к какому-то занятию, весьма непросто существовать в мире, который принадлежит людям сильным и решительным. Из-за сомнений и неопределенности они становятся похожими на беззащитных детей и ищут укромное место в лоне супружеской жизни. Счастливые те, кто обрел гармонию и благодать в отношениях с супругом, еще более счастливые те, кто сумел пронести этот дар на протяжении всей жизни и не потерять себя, но как несчастны те, кто жестоко заблуждался, полагая, что любовь бессмертна! Глубокая трагедия многих историй любви заключается в том, что все эти истории конечны. В юности все кажется ярче, нежели оно есть на самом деле, и как легко ошибиться в выборе спутника – столь важном выборе для каждого. Нора до сих пор не могла с уверенностью признать, что сделала неправильный выбор, ведь когда-то она была счастлива со своим избранником. Но что было бы, если бы она поступила как Кэрри и не спешила с замужеством?

Кэрри, к слову, была абсолютно счастлива с самой собой. Конечно, в будущем ей захочется настоящей любви и надежного спутника рядом, но в период юности весь ее романтический пыл был направлен на расширение своего кругозора и мечтания. Она много читала, учила языки с помощью преподавателей, а когда достигла совершеннолетия, поступила в университет, что было для нее огромной победой. Семья одобряла ее порывы, и это еще больше подстегивало Кэрри совершенствовать свои способности и развиваться, чтобы принести пользу обществу и своим родным. Единственное, что стало тревожить некоторых членов семьи Кэрри, так это факт того, что она совершенно не стремилась выйти замуж. Ей было двадцать три, ей часто предлагали руку и сердце, вокруг нее было достаточно поклонников, но, увы, она всех отвергала.

– Папа, я не ищу любви, но жду ее. Что я могу поделать, если пока она не стремится завладеть моим сердцем? – ответила она однажды на расспросы отца по поводу ее замужества.

– Я понимаю, милая, и поддерживаю тебя в твоих доводах. Выходить замуж нужно с трезвой головой и открытым сердцем. Ты долго училась и созревала, и теперь, я надеюсь, ты открыта для любви, и она непременно впорхнет в твое сердце.

Так и случилось. Кэрри познакомилась с Эдвардом Стоуном, когда отправилась работать в Лондон. Она не могла не влюбиться в него без памяти: он был хорош собой, умен и полон амбиций. Но об этом позднее, а сейчас вернемся к обеду, на котором состоялась судьбоносная встреча.

VI

Нора не могла прийти в себя от осознания произошедшего. Сейчас она вспоминала, как любила свою подругу в юности и как обещала всегда поддерживать с ней связь. Однако, как часто бывает в жизни, исполнить обещание Норе не довелось. После замужества она стремительно распрощалась с прежней жизнью и стала строить новую, постепенно освобождая сознание от пут прошлого. С родителями она общалась мало, пары писем в месяц было вполне достаточно по ее разумению, прибавим к этому встречи раз в год и стабильную материальную поддержку, подарки и гостинцы. Нора оправдывала себя псевдозанятостью, обязательствами замужней дамы, она задаривала семью подарками, пытаясь откупиться от их присутствия в ее жизни. Она ненавидела своих родителей, они тиранили ее в детстве, и она не желала быть связанной с ними после брака. Своих детей она воспитывала в любви и чрезмерной опеке, дабы они не относились к ней так, как она относилась к своим родителям. К Кэрри же она испытывала самые теплые чувства, она любила подругу, и в данную секунду не могла явственно вспомнить, когда последний раз писала ей. Возможно, Кэрри напоминала о жизни в Солсбери, безрадостном детстве и строгих родителях. Как бы то ни было, она забыла. Забыла о возможно лучшем человеке в ее жизни, о верном друге, который воспитывал в ней силу, который развлекал и веселил ее, когда она получала выговор от учителей и затрещины от отца. Она забыла друга, который всегда говорил ей правду, какой бы горькой она ни была. Искренность и трезвая оценка ситуации – вот, чего не хватало Норе долгие годы от окружающих ее людей. Она так и не нашла лучшего друга: ни в лице мужа, ни в бесконечном потоке знакомых. И только в эту секунду, впервые за двадцать пять лет она это поняла.

Обед прошел как нельзя лучше. Здесь были высокопоставленные лица, люди более низкого ранга, люди искусства и культуры, военные и медики, ученые и содержанки. Настоящая смесь взбитых сливок и вареной кукурузы. Этим отличалась Кэролайн Стоун – она любила разных людей и не стеснялась садить их за один стол, она считала, что социальные предрассудки – глупейшая вещь на земле после войны, и умело лавировала между представителями всех сословий. На ее вечерах всегда было многолюдно и интересно, из-за присутствия столь различной публики дискуссии становились оживленными и яркими, а знакомства, завязанные на таких обедах, открывали многим посетителям новые и привлекательные перспективы. Вот и сейчас все бурно беседовали, рассуждая о близившейся войне и предлагая разные варианты исхода.

– Демократия – вот выход для нас всех! – стучал по столу один революционно настроенный пианист. – Революция во Франции дала огромные и сочные плоды, Англия должна быть следующей.

– Но позвольте, война коснется не только Англии, неужели весь мир должен обратиться в хаос? Ведь безграничная свобода приводит к саморазрушению! – отозвался вице-губернатор Лондона.

– Война вообще может миновать Великобританию, господа. Или, что было бы великолепно, вообще не начаться! – подхватил один худощавый аристократ в идеально накрахмаленной рубашке, явно ратующий за нейтралитет.

– Войны не избежать, – железно произнес заместитель министра обороны.

Прения приняли еще более оживленный характер, и хозяйка вынуждена была вмешаться, чтобы охладить пыл присутствующих. Было решено сменить тему, а после того, как гостей пригласили отведать десерт в саду и посмотреть на фейерверк, миссис Стоун попросила минуту внимания и обратилась к гостям, так радушно посетившим ее в этот день.

– Я безмерно рада, дамы и господа, за ваше доверие и уважение, которые вы выказываете по отношению ко мне. Также я благодарна за ваши жертвования, которые каждый по

средствам предложил открытому мной фонду в пользу помощи фронту и тылу в случае войны. Если Господь поможет нам избежать этого ужаса, все средства будут отправлены в военные госпитали Лондона и в фонды поддержки семьям инвалидов, пострадавших во время военных событий. А теперь, наслаждайтесь вечером и помните, что каждый человек имеет свое предназначение в этом мире. Если грядет катастрофа, мы обязаны быть готовыми нести свой крест с должным благородством и самоотдачей. Доброго всем вечера!

За вдохновенной речью Кэролайн последовали аплодисменты, и гости между собой восхваляли хозяйку вечера, а некоторые поспешили лично поблагодарить миссис Стоун за прием и такую потрясающую идею как сбор средств. А когда вечер окончательно подошел к концу, и гости постепенно начали покидать особняк, Нора улучила минуту, чтобы поговорить с Кэрри, но та, казалось, и сама была свободна для долгожданной беседы.

– Эли, вот и ты! Тебе понравился прием?

– О, Кэрри, я в восхищении! Все было потрясающе. Только... – понизив голос, произнесла она. – Только я не знала про пожертвования и не успела их сделать, но готова дать сколько угодно, я могу выписать чек? – Она вмиг достала чековую книжку.

– Я понимаю, ничего. Ты можешь выписать его позже, это не страшно. Я хотела бы поговорить сейчас о другом. Давай пройдем в мой кабинет, там будет удобно. Ты не спешишь, надеюсь? – Во взгляде Кэрри было то же простодушие, что и раньше.

– Разумеется, нет! Я в твоём распоряжении. К тому же, я весь вечер ждала, когда мы сможем поговорить!

Они направились в кабинет, который олицетворял саму Кэрри. Эта была светлая комната с большим рабочим столом напротив высоких окон и книжными стеллажами под самый потолок. Кэрри подошла к маленькому бару и достала бутылку вина.

– Я немного устала, – она вздохнула, налила в два бокала вино и присела на диван, призывая Нору сделать то же.

– Ну, еще бы, такой роскошный обед. Вероятно, ты потратила немало сил.

– В последнее время это стало нормой.

– Постой, – Нора словно опомнилась. – А где же мистер Стоун? Я бы хотела с ним познакомиться! Его, кажется, не было сегодня вечером.

– Эдвард уже месяц в деловой поездке, я была с ним неделю, а затем вернулась в Лондон, чтобы заняться делами.

Нора понимающе закивала. Наступила недолгая пауза.

– Это так странно, правда, Эли? – Кэрри взяла ее за руку. – Я думала весь вечер о том, как же мы столько лет... Как мы могли не списаться за столько лет? Ты помнишь мое последнее письмо?

– О да! – тепло улыбнулась Нора. – Это было после моей свадьбы, ты писала, что поступила в университет и рассказывала про Джимми Мортина, который донимал тебя.

– Джимми, бедняжка Джимми!

– Джимми, алые подтяжки!

Обе разразились смехом.

– Тогда я была вся в учебе, в покорении совершенно нового мира, – словно вернувшись в те времена, Кэрри печально улыбалась.

– Ты всегда этого хотела, ты всегда была особенной. Обычные и привычные вещи были не для тебя. Я, право, удивлена, что Эдвард уговорил тебя выйти за него замуж.

– О, другой бы не смог! – они вновь засмеялись. – Он невероятный. И мне жаль, что сегодня вам не удалось познакомиться.

– Твои глаза заблестели, дорогая. От вина? – Нора хитро взглянула на подругу.

– Они всегда блестят, когда я говорю или думаю о нем.

– Позволь, вы женаты недавно?

– Уже почти восемнадцать лет.

Нора искренне изумилась, она была убеждена, что такой влюбленный вид у женщины может быть только в первые годы замужества.

– Почему мы сразу начали с мужей? Да, я замужем, и у меня двое прекрасных детей: Джеральд и Ребекка, они сейчас за городом, их привезут завтра. – Она встала и принесла рамку с фотографией.

– Какие чудесные! Мои сыновья уже взрослые, я обязательно покажу тебе их фотографии. Брэд работает в крупной промышленной компании, ему уже двадцать второй год. А Майкл учится в Оксфорде и живет в отдельных апартаментах, Дик отчего-то против общезжития. Твоему сыну не больше пятнадцати?

– Ему четырнадцать, а Бекки семь.

– Ну просто прелесть, а не дети!

Кэрри выглядела задумчивой. Она поставила снимок на стол и налила еще вина.

– По-моему, ты проиграла, миссис Стоун, – выдала Нора с легкой ухмылкой.

– Да? Я и не заметила, что мы вели игру.

– Ты стала женой и матерью, хотя мечтала совсем о другом. И я рада, что ты счастлива. Это не самый плохой итог, хоть ты всегда и думала иначе.

– Я не была против брака, Эли. Я рада, что у меня есть Эдвард и дети. Но я сознательно пришла к этому. Оно не досталось мне просто так. Я шла к любви и замужеству. Я созрела. Пусть и дольше, чем это обычно положено. Обычно девушки не дают себе время dospеть к браку, стать женщиной, мудрой и расчетливой, и это неправильно. Женщина должна быть готова ко всему. Этому я и учу свою дочь уже сейчас.

Она отпила вина и продолжила.

– А если говорить о моих мечтах, то у меня все сбылось. Ну, или почти все. Я не хочу хвастаться, но я и вправду счастлива, и горда тем, что осталась верна себе.

– Я безумно этому рада, дорогая! Но я хотела бы узнать все подробнее!

– Ты узнаешь непременно! Но нам просто не хватит вечера! Я могу сказать только, что моя жизнь сложилась так, как я и хотела, Эли. И это главное. Теперь твоя очередь! Как ты живешь, дорогая? Мы все обо мне! Ну а ты? Ты выглядишь как настоящая светская дама!

– Я... Я живу хорошо. Наверное, все мои мечты тоже сбылись, хотя в последнее время я начинаю в этом сомневаться.

– Почему же?

– Ох, Кэрри, я не знаю даже... – она решила сменить тему. – Ты не представляешь, как я рада, что мы встретились! Ты устраиваешь такие замечательные вечера, но почему я не слышала о них раньше? Конечно, мы с Ричардом вернулись в Лондон только несколько лет назад, но все же!

– Я слышала, он стал министром. Поздравляю!

– Да, это дорогого нам стоило. Я до сих пор пытаюсь восстановить нервы!

– Мне думается, что ты составила очень хорошую партию, как и мечтала. Хотя поначалу мне так не показалось...

– Да, я помню, – Нора понимающе взглянула на нее.

– Не будем об этом сейчас. Я тоже так рада, Эли! Нам очень многое нужно обсудить. Завтра у меня встреча по поводу публикации книги...

– Чьей книги?

– О, моей!

– Кэрри! Господи! Ты писатель? – Нора прижала руки к груди, она готова была упасть в обморок от восторга.

– Ты явно не читала моих книг! – женщины рассмеялись.

– Я слишком долго жила в Париже, хотя, мне кажется, я и там слышала фамилию Стоун! Я и не думала... Сегодня я точно не усну от переизбытка эмоций! Сколько книг ты написала? Я обязана их прочесть. Помнится, в юности у тебя был настоящий талант. Помнишь, как мы читали твои рассказы у камина? Твой отец особенно гордился тобой. Мой любимый был «Герцогиня заброшенного замка», а еще «Горная тропа».

– Отец до сих пор гордится. Я посылаю ему опубликованную рукопись в первую очередь, он самый объективный критик. Он будет счастлив, когда узнает, что мы с тобой увиделись! Ах да, я написала восемь полноценных романов, плюс два лирических сборника и сборник рассказов и повестей. Завтра мы с издателем обсудим восьмую рукопись. Как тщеславно с моей стороны обращать разговор на мои достижения! Чем же ты занимаешься, милая Эли?

– Нет-нет, вовсе не тщеславно! Ты большая молодец, Кэрри! Я так хочу прочесть твои книги! Ты всегда была талантлива, в отличие от меня. Мои занятия ограничиваются тем, что я развлекаю прихлебателей моего мужа. – Нора пыталась сохранять насмешливый тон, но нотка недовольства ее выдала.

– Не все должны писать книги или сочинять симфонии, Эли. Кому-то по душе оберегать семейный очаг и быть верной спутницей своего героя.

– Я знаю, знаю... Но сегодня я вспомнила, что ты сказала о предназначении каждого человека. Неужели мое в этом? – Нора спрятала взгляд, подумав, что сболтнула лишнего.

– Может, ты занималась этим слишком долго? – Нора улыбнулась. – Как насчет того, чтобы встретиться завтра? Нам столько нужно обсудить! Ты расскажешь о последних двадцати годах, а я в свою очередь, о своих, если нам хватит часов в сутках.

– Рассказ о моей жизни займет не больше десяти минут. Но я все хочу узнать о твоей! Во сколько привезут твоих детей? Я буду рада с ними познакомиться.

– В полдень. Ты можешь пообедать с нами и остаться на чай.

– С радостью! У меня нет никаких дел. Муж приедет завтра утром, но тут же уедет в свое министерство, так что я буду у тебя! Ты не дашь мне наводку, где я могу приобрести одну из твоих книг?

– О, – Кэрри встала и подошла к книжной полке. – Вот.

Она взяла книгу в нейтральной обложке, подошла к столу и что-то написала на форзаце, затем протянула ее Норе.

– Держи, это моя первая книга. Она мне кажется самой сильной из того, что я писала. Я дам тебе остальные, если эта понравится.

– Спасибо, дорогая. Я не могу описать, как я счастлива нашей встречи. До завтра!

Когда она вышла из роскошного особняка Стоунов и открыла книгу старой подруги, она прочла три слова: *«Не переставай искать»*.

VII

Нора проснулась в совершенно незнакомом ей настроении – она была бодра, полна энергии и какой-то детской радости. Встреча с Кэрри обрадовала ее больше, чем она могла подумать. Ей нужна была отдушина, человек, которого она могла бы послушать и которому могла бы выговориться. Только с последним были проблемы. Как можно обсуждать свои семейные передраги с кем бы то ни было? Она так никогда не делала из-за боязни осуждения и чрезмерного уважения к мужу. Но на самом деле, эти причины прикрывали самую главную – всеобъемлющую слепоту Норы. Да, она была слепа и думала, что все трудности временны, что муж перестанет ходить налево, а она перестанет заботиться об этом, даже если он не перестанет ходить налево. Сейчас она не беспокоилась о его похождениях, но как только она это поняла, пришло иное осознание – пустоты ее жизни, которую нечем заполнить, ведь прежде она была наполнена лишь заботами о семье.

Сегодня Нора завтракала в приподнятом настроении, Ричард поглядывал на супругу и наивно полагал, что она рада его приезду.

– Ты сегодня особенно весела. Неужели тому причиной я?

– Нет, Дик, прости, не ты. Вчера я была на приеме у Стоунов, ты знаешь таких?

– Стоун... Это ли не хозяин судостроительной компании?

– Вполне вероятно, я не успела уточнить, чем конкретно занимается мистер Стоун.

– Ты была на его приеме и не узнала род его занятия? – Ричард усмехнулся.

– Его вообще вчера не было. Прием устраивала его супруга – Кэролайн Стоун, в девичестве Уайт, мы дружили с ней в детстве и юности, а потом взрослая жизнь разбросала нас по разным берегам.

– Весьма интересно. Удивительно, почему я лично не знаком с этим Стоуном. Говорят, он важная шишка.

– Так вот, я иду сегодня к Кэрри, мы договорились пообедать и пообщаться, вчера мы не успели толком поговорить. И я хочу познакомиться с ее детьми.

– Хм, что ж, отлично. Ты помнишь, что завтра приедет Майкл?

– Ну, разумеется, я уже дала распоряжения по поводу ужина. Еще у меня к тебе есть пара вопросов. – Ее лицо вмиг помрачнело, она отставила чашку с кофе и вздохнула прежде, чем заговорила.

– Я весь внимание, – в отличие от супруги Дик не думал концентрироваться на разговоре, он успевал намазывать тосты, добавлять в чай сахар и листать свежую газету.

– Дик, неужели грядет война?

Он непонимающе сдвинул брови.

– Хм, что я могу сказать. На данный момент никто не делал официальных заявлений, но такая вероятность есть. А что?

– Да так, по Лондону гуляют слухи. Бланш на днях была у меня, они с мужем уезжают в Америку, дабы избежать внезапной опасности. Нам следует принять меры безопасности или тебя, как высококочтимого министра, обеспечат надежной защитой?

– Будь уверена, дорогая, так и будет. Мне пора. Майкл будет завтра в два, не забудь.

– Хорошего дня, Дик.

Когда Нора приехала к Кэрри, она немного занервничала. Она уже чувствовала, что жизнь Кэрри была куда более насыщенной, нежели ее собственная. Но она понимала также, что переживать из-за этого глупо, просто нужно быть выше всего этого. В конце концов, она рада, что у Кэрри все получилось несмотря на то, что Нора боялась за ее судьбу – сложно добиться чего-то, когда ты женщина, да еще и с такими взглядами как у Кэрри. Но та сломала все условности своей непоколебимостью и упорством.

Войдя в дом, Нора застала приготовления к ланчу. Кэрри спустилась к гостю с сияющей улыбкой, на ней было изящное платье мятного цвета с коротким рукавом, она выглядела невероятно мило и, что называется, по-домашнему. Следом за ней спустились дети, оба были светловолосые и прелестные. Джеральд походил на отца, фотографию которого Нора успела рассмотреть в гостиной. А Бекки была очень похожа на Кэрри в детстве. Казалось, что они были воплощением любви – светлые и лучезарные как первые отблески солнца на водной глади, ясноглазые и полные нежного детского очарования. У них были прекрасные манеры, они не шалили и вели себя пристойно и при этом довольно свободно, в их движениях и словах уже чувствовалась рациональность, они все понимали, но были детьми: непосредственными и веселыми. Нора поразились, как Кэрри шутит с детьми и не запрещает им смеяться за столом или съесть больше десерта. Своих сыновей Нора воспитывала в большей строгости, может, поэтому между ними всегда была некая отчужденность.

– Твои дети – настоящее чудо, Кэрри, – сказала она, когда Джеральд и Бекки ушли на уроки. – Мои были настоящими прохвостами.

– Все дети чудесны, – улыбнулась Кэрри. – Я думаю, из твоих прохвостов выросли настоящие мужчины. Мне хотелось бы, чтобы мои дети выросли достойными людьми, и уверена, что так и будет. Но они дети, и шалости просто необходимы, благо они всему знают меру.

– Ты отлично воспитала своих детей.

– Я на это надеюсь. Давай выпьем чаю?

Они прошли в гостиную, куда принесли чай и десерты, и где они могли спокойно поговорить.

– Что ж, – начала Нора после некоторого молчания. – Когда вернется глава семьи?

– Ждем его завтра с первыми петухами, – улыбнулась Кэрри, в ее глазах вновь загорелись огоньки, Нора не могла этого не заметить.

– Стало быть, завтра мы не увидимся. Полагаю, одного дня не хватит, чтобы вспомнить минувшие двадцать с лишком лет. Завтра, к слову, приезжает мой младший сын Майкл.

– О, как чудесно! Как часто он бывает у вас?

– Не чаще раза в месяц, уж больно занят учебой. Странная вещь: ты рождаешь детей и становишься для них целым миром, но стоит им вырасти, и они способны создавать свой собственный мир без твоего участия. Это печально... Понимаешь это только тогда, когда дети улетают из гнезда взрослыми птицами.

– Мне только предстоит с этим столкнуться. Хотя мне думается, что это нормально, и этого не избежать. Наша задача – дать нашим детям как можно больше, прежде чем они смогут этим воспользоваться. Так они будут знать, что правильно, а что нет. А ты будешь знать, что смогла наполнить их знаниями и любовью до краев.

– Ты права.

– А ты чем-то опечалена. – Кэрри понимающе улыбнулась. – Что-то не так?

– Нет, нет. Я просто восхищаюсь тобой и твоим видением воспитания и жизни. – Нора не хотела показывать свои слабости, но она чувствовала, что Кэрри видит ее насквозь.

«Нет, я не предоставляю ей возможность проявить жалость ко мне. Моя жизнь не идеальна, но я не жалкая». – Думала она, понимая, насколько уязвима. Вот оно! Чувство, которое преследовало ее на пути к дому Кэрри – она боялась, что раскроет себя и свои проблемы, она не хотела, чтобы Кэрри видела ее настоящую и словно ждала, когда же откроется вся правда о жизни Кэрри. Не бывает идеальной жизни, значит, у Кэрри тоже не все гладко, возможно, это просто маска. Такая же как у Норы.

– Ты хотела что-то у меня узнать? – Кэрри прервала повисшее молчание.

– Да – все! Я думала полночи о том дне, когда в последний раз видела тебя и о том, почему он стал последним... Я так захлебнулась семейной жизнью, что забыла о своем единственном друге. Почему так случилось, и почему мы не смогли это исправить?

- Просто мы... выросли.
- Неужели это оправдание?
- Нет.

– Ты встретила настоящих друзей, которые готовы разделить с тобой весь ужас этой жизни?

- Да. Но только одного – своего мужа.

Кэрри встала и подошла к окну. День был удивительно теплым и солнечным. Окно гостиной выходило в сад, где в золотых лучах купались сонные бутоны еще нераспустившихся роз и макушки зацветающих яблонь. Еле уловимое дыхание весны проникало сквозь окна и дурманило своей свежей сладостью. После нескольких дней проливных дождей, этот весенний воздух, в котором сливалось щебетание птиц и шептание пробуждающейся листвы, был словно медовый нектар жизни.

- Раз уж ты вспомнила про последний день, когда мы виделись, я начну с него.

VIII

Помню, что это был сентябрь. Я не очень люблю осень, кажется, что она убивает все светлое и теплое. Природа засыпает, оставляя нас наедине с грядущим холодом. Тот сентябрь был особенно дождливым и тоскливым. Я помню, как начало раньше смеркаться, и как я все чаще сидела одна в отцовском кабинете за книгами. Наш дом я любила больше всего на свете, он был средоточием всего доброго и бесконечно дорогого сердцу. Он не был большим, как мой нынешний дом. Но, господи, какой он был уютный, как там пахло! Особенно, когда Мини пекла яблочный пирог. Яблоки были из нашего яблоневого сада, такого же, как у меня сейчас. Я могу как раньше лежать в тени яблонь и слушать песни ветра в листве... Это непередаваемо. Дом был особенный. Не было роскоши или модно обставленных комнат, но каждый угол этого старого дома был пропитан счастьем. Как бы мне хотелось вернуться туда, словно мне опять семнадцать...

В один из тех сентябрьских дней я как обычно сидела в отцовском кабинете на полу с книжкой, кажется, это была «Божественная комедия» Данте. Папа сидел там же, пахло его трубкой и крепким кофе. Он и сейчас не изменяет традиции – курит крепкий табак и пьет крепкий кофе. Он спросил меня:

– Что думаешь о книге? – Когда мы говорили о книгах, он всегда спускал очки на нос и смотрел на меня с вызовом.

– Ну, мне кажется, что Данте описывал вовсе не ад, а наш земной мир со всеми его пороками. Это такая метафора. Как «Потерянный рай» Милтона.

– Ты думаешь, что все люди на земле порочны?

– Думаю, да.

– Даже ты, мышонок?

– У меня есть амбиции, судя по Библии, в этом нет ничего хорошего.

– Если судить по Библии, в мире давно не осталось ничего хорошего. Даже вера и та предается во имя земных благ. Но ты должна судить не по Библии и не по Данте о мире. Только то, что ты считаешь правильным и есть хорошо для тебя. Тебя могут и будут осуждать за это, потому что, как ты справедливо отметила, все мы грешны, но много ли правды и значения несут осуждения завистливых или чопорных зануд? Дочитай и расскажешь мне, какой из грехов кажется тебе наиболее страшным.

Тогда я решила, что уныние... Что может быть хуже того, когда человек самовольно закапывает себя в яме отчаяние и печали? Я до сих пор так считаю. Ни гнев, ни блуд, – они имманентны природе человека, – но уныние приходит извне. Я боролась с унынием всю жизнь, и все равно временами оно стучит в мою дверь.

Когда я вышла из папиного кабинета, я пошла к пригорку, где мы встречались по субботам, чтобы пойти гулять у реки. Но тебя не оказалось там. Впервые за десять лет ты не пришла. Я ждала около часа, прежде чем пойти к тебе домой. До сих пор помню желтый фасад твоего дома и большую парадную лестницу. Ваша экономка варила потрясающий шоколад с корицей, она приготовила мне его, когда я пришла. В тот день тебе сделал предложение Ричард Блоссом, поэтому ты не пришла и спустилась не сразу.

– Кэрри, дорогая! Прости, что не пришла на наше место, но у меня такие новости! Он пришел, поэтому я не могла уйти раньше, – ты хватала меня за руки, тебя трясло от возбуждения и волнения. Я сразу поняла, что произошло.

– Ты же не выйдешь за него замуж сейчас, так?

– О чем ты? Конечно, выйду. – Ты выглядела оскорбленной.

– Нора, но ты же его совсем не знаешь, прошло так мало времени. Неужели ты готова выйти замуж? Вот так сразу?

– Да, готова, и выйду.

Но ты не была готова. Ты была наивной и открытой девочкой, которой нужна была забота и защита, и ты отчаянно мечтала сбежать из ненавистного дома. Ричард тебе не подходил, прости, но я так правда думала. Он был похож на принца, но не являлся им на самом деле. Мне казалось, что столь ранний брак не сулит ничего хорошего, я была уверена, что ты будешь страдать. Но сейчас я вижу, что ошибалась. Я понимала все твои мотивы и не могла винить тебя. Но как же я злилась! Злилась на тебя, на то, что ты так быстро сдалась. И нет, замужество – не всегда тюрьма, но и не всегда – любовь. Я боялась, что ты не знаешь себя и любви, что ты запутаешься и обожжешься. Но твоя жизнь сложилась вопреки всем моим страхам, и я не могу не радоваться своим заблуждениям. Ты выбрала свой путь, и я обязана была уважать его. Однако тогда не могла. Тогда я думала, что ты горько ошиблась, поспешила, но мне очень стыдно, ведь ты обрела счастье. Счастье всегда понималось нами по-разному, так и должно быть. Я помню, что после нашего разговора я отправилась к реке. Я долго бродила там и думала о наших решениях, о том, что мы выросли и теперь должны выбирать дорогу. Но был ли этот выбор? У меня был, а у тебя... Ты боялась, что возможности может больше не представиться, ты боялась остаться в лоне родительского сумасбродства, тебя всегда пугала перспектива остаться в старых девах, в отличие от меня.

Когда я вернулась домой, мне пришла от тебя записка.

Кэрри, мне очень больно оттого, что ты не порадовалась за меня. Я знаю, что ты не расположена к раннему браку, но я правда влюблена и знаю, что Дик тоже влюблен. Мы знакомы не так долго, но у меня будет целая жизнь, чтобы постичь его душу и характер. Прими мое решение и не осуждай меня, если сможешь. Через два дня мы уезжаем в Лондон, где пройдет церемония, я надеюсь, что ты поедешь с нами. Мы хотим устроить пышное торжество, и я хочу, чтобы ты помогла мне в этом. Завтра мы устраиваем обед в честь помолвки, твоя семья приглашена. Я люблю тебя, дорогая, и очень жду.

Эли

Ты помнишь, почему я не пришла тогда? Тогда моя семья испытывала финансовые трудности, и меня с сестрой должны были отправить к тетушке в Кембридж, где я впоследствии держала экзамен для поступления в университет и обрела себя. Мы встретились с тобой перед твоим отбытием в Лондон, тогда мы попрощались на двадцать пять лет.

– Кэрри, неужели ничего нельзя сделать? Я могу попросить Дика, чтобы он...

– Эли, будь добра, замолчи! Хватит чувствовать своего жениха! Мне не нужна его помощь, отец выберется из этого положения, это временно.

– Да, конечно, временно! – ты сжала мои руки с такой силой, словно пытаюсь тем самым убедить меня в своей решимости мне помочь.

– Что ж, прости меня, Эли, но я не смогу помочь тебе со свадьбой, надеюсь, ты понимаешь. Я очень хотела бы, но...

Но я не хотела. Мне не нравился Дик, и не нравилось то, что ты выходишь замуж, будучи слепой. Ты была слишком доброй и тонкой душой, мне казалось, что он затуманил весь твой здравый смысл. Но какой здравый смысл может быть у девочки семнадцати лет? Поэтому, как ни совестно мне это признать, я была рада возможности улизнуть из Солсбери, хотя лично мне ничего хорошего это не сулило, по крайней мере, я так думала.

– Я все понимаю, дорогая. Мне очень будет не хватать тебя, но я не смею обременять тебя своими делами. Радоваться, когда такое несчастье постигло твою семью, было бы кошунством. Я очень надеюсь, что, возможно, тебе удастся прибыть на торжество, хотя бы на церемонию.

– Не могу этого обещать, Эли, ты же знаешь. Но я хочу сделать тебе свадебный подарок прямо сейчас на случай, если мы не увидимся до твоей свадьбы.

– Кэрри, ну что ты, не нужно!

Наверно, ты уже не помнишь этот золотой кулон в форме голубки. Ты всегда была для меня воплощением чистоты и непорочности. Эта голубка – символ Святого духа, дружбы и любви. У меня был такой же. И он до сих пор со мной, как напоминание о тех светлых и счастливых днях с тобой.

– Он такой чудесный! – ты прослезилась.

– Мне очень и очень жаль, Эли. Я знаю, что нужна тебе. Прости.

– Я не могу простить тебя за то, в чем нет твоей вины! Я буду очень счастлива, если ваши дела поправятся, и ты по-прежнему будешь учиться и жить в своем любимом доме. А за меня не беспокойся, я обрела свое счастье.

– Хочется верить, что это так.

– Поверь! Просто поверь. Я *наконец* буду любима. А большего мне не нужно.

Тогда мы и простились. В тот же день ты отбыла в Лондон, а через пару дней мы с сестрой отправились в Кембридж, где началась совершенно новая глава моей жизни.

Тетушка Кинг была в том возрасте, когда осознаешь бренность всего сущего и уже не стремишься быть на короткой ноге с молодежью, выглядеть как они и следовать последним модам, дабы замедлить старение на год-другой. В ее взгляде читалась мудрость, соседствовавшая с легкой иронией по отношению ко всему. С ней было безумно интересно беседовать, потому что она была умной и много училась в свое время. И, как видно, учения эти не прошли бесследно – она помнила все, могла говорить обо всем, и по большей части именно она поддержала мою идею получить диплом. Тетушка стала мне отличным наставником и в какой-то степени другом. Она была строга, но никогда не выходила за рамки. Будучи бездетной сестрой нашей матери, она относилась к нам так, как относилась бы к своим собственным детям, если не лучше. Она любила носить темно-синее платье простого покроя с брошью в виде совы, черную изящную шляпку и аккуратный ридикюль с золотой бляшкой – особый предмет ее гордости. В ее доме была масса интересных старинных вещей, которые, тем не менее, недурно вписывались в обстановку ее достаточно современно меблированной квартиры. Ее любимым занятием было чтение в гостиной за чаем. Туда могли приходиться и прочие ее квартиранты, которых было около семи человек. Все они любили и уважали тетушку Кинг, и как бы боясь потерять ее расположение, всегда исправно платили за аренду. Исключая, конечно, студента Гарри Смита, по совместительству художника, который погряз в долгах, но менее любимым жильцом от этого не стал. Как-то раз тетушка сказала о нем:

– Этот парень особенный тип. В наше время таких юношей становится все меньше. Он – талант, но на каждый талант требуется чековая расписка. Что поделать. Зато какой приятный! Мне нравится его общество, а то, что его костюму уже второй год пошел – издержки избранной колеи, и меня это нисколько не тревожит.

Мы сразу почувствовали себя хорошо у тетушки. Моя сестра Лиззи, правда, была не в восторге от Кембриджа. Она тяжело переживала потерю состояния и переезд – все от ее заносчивости. Ей всегда почему-то казалось, что она королевских кровей, хотя мы были вполне заурядной семьей среднего достатка. А когда ей миновало двадцать (если ты помнишь, она была старше меня на три года), она в край испортилась: вечно причитала, что она останется старой девой и что ей скучно. Конечно, если бы она занималась хоть чем-то помимо чтения глупых женских романов, мне думается, скука не обременяла бы ее. К слову, тетушка занялась ей уже через месяц. Лиззи научилась вести бухгалтерию и даже нашла в этом определенный интерес. Я люблю свою сестру, но тогда она казалась мне невыносимой занудой.

– Как ты думаешь, мы надолго здесь? – спросила она меня, когда мы сидели за работой перед чаем. Тогда мы уже месяц как жили в Кембридже.

– Не знаю. Но мне нравится.

– Здесь так мало увеселений. Надо попросить тетю, чтобы она дала нам свой кэб, и прокатиться по городу.

– Неплохая идея.

– Неужели тебе и вправду все нравится?

– Да. По-моему, люди здесь очень милые, есть с кем поддержать беседу.

Лиззи сморщила свое лицо в веснушках, и, откинув рыжие кудри, бросила вышивание на столик.

– Мне кажется, что нас нарочно заперли здесь!

– Успокойся. Никто нас здесь не запирает. Если ты не заметила, сейчас наша семья переживает не самый легкий период в жизни, и нам стоит повзрослеть и принимать все уколы судьбы с достоинством.

Но она словно не слышала меня.

– Когда родители приедут за нами?

– Когда ты найдешь себе жениха, – уколола я ее.

После этого она нахмурилась, взяла работу и не разговаривала со мной до чая.

Мы с Лиззи всегда были абсолютно разные. Странно, что она родилась в моей семье, а не в твоей. Мои младшие братья были такими же неумными, как я, родители – люди, любящие путешествовать и открывать новые впечатления и знания. А Лиззи... Как в такой энергичной семье родилось это рыжее недоразумение? Ей никогда и ничего не было интересно, кроме балов и глупых сплетен. Я ее не понимала, а она – меня. Но ей это и не было нужно. А мне – да. Поэтому, когда я не находила и толики интереса в ее безжизненных глазах, я обращалась за помощью к тетушкиным постояльцам – интересным и живым людям (преимущественно).

Как я говорила, их было семеро, и почти все они были бедны как церковные мыши. Я особенно тепло относилась к уже упомянутому Гарри-художнику. Он пропускал семинары в университете, чтобы ходить на пленэр с кучкой таких же, как он «не ограниченных алмазов», как они себя именовали. Гарри всегда ходил в потертом сером костюме и всегда взъерошивал и без того лохматую копну темно-каштановых волос. Он был довольно красив, но слишком худощав, зато его карие глаза излучали невероятную доброту и сердечность. Не имея средств на существование и будучи в долгах как в шелках, он умудрялся принести на чай пирожные или кулек конфет. Нам с сестрой он часто преподносил тыквенные бисквиты, вкус которых я до сих пор отчетливо помню. Милый Гарри! Мы обменивались книгами и болтали на балконе о великих поэтах и художниках, обсуждали новые веяния в искусстве, он показывал мне свои работы и был таким вдохновенным и счастливым, словно в этом и есть смысл его жизни на земле. Так и было. Он был одним из тех людей, которые находили и одновременно теряли себя в искусстве.

Вторым моим любимчиком был Питер Гроу. Это был тучный мужчина лет сорока, который жил у тетушки дольше всех. Он был беден, но тем не менее, умудрялся элегантно и модно одеваться. Я восхищалась его знаниям! Он много путешествовал по свету, знал пять языков и учил меня точным наукам и итальянскому. Он был свободным переводчиком, бегал по конторам, где брал стопки документов, которые переводил на французский и немецкий языки.

Еще была миссис Оуэн. Высокая и миловидная леди, которая жила со своей дочерью Мерил, моей ровесницей. Мерил стала мне настоящей подругой, с которой я поддерживаю связь по сей день. Несмотря на отсутствие средств, она обладала невероятным вкусом во всем: в манере одеваться, в выборе книг и окружения.

К остальным постояльцам, например, к мистеру Боулу или вдовушке миссис Финиган, я относилась менее тепло, потому как они не отличались ни интеллектом, ни интересами, которые можно было обсудить, ни, тем более, каким-либо призванием. За чаем они, как правило, переговаривались с моей тетушкой и миссис Оуэн, на замечания молодежи мистер Боул бро-

сал странные реплики невпопад, лишённые всякого смысла и совершенно не относящиеся к предмету разговора.

Как раз в тот день, когда Лиззи надулась на меня, я читала что-то из Шекспира. Ко мне постучались. Мы с Элизабет жили в необычайно уютной комнате: стены бежевого цвета, очаровательный письменный стол для занятий, который вмещал нас обеих (хотя Лиззи не была охотницей до знаний), ширма, высокое трюмо и большое окно с видом на многолюдную улицу Сентбридж.

Когда раздался стук в дверь, я встрепенулась и подбежала к зеркалу, чтобы поправить волосы и платье. На пороге оказался Гарри.

– О, я и не ждала тебя! Входи, присядь.

Он кротко улыбнулся, вошел в комнату со стопкой книг и присел за стол, небрежно закинув ногу на ногу.

– Прости, что как гром. Но не мог ждать до чая. Смотри, – он протянул мне книги.

– Это что... коллекционные издания Вальтера Скотта? – у меня не на шутку перехватило дыхание.

Он кивал, испытывая неописуемое удовольствие от того, что угодил мне.

– Я знал, что ты оценишь! Здесь три тома.

– Но где ты их взял? – Я словно сокровища рассматривала столь ценные книги.

– Выменял на пару своих картин, – сказал он просто, махнув рукой, я подняла глаза.

– Гарри... и не жалко?

Я знала, как он ценил свои работы, они и вправду были отличные, но ему редко удавалось их продать. А когда удавалось, он тратил деньги на холсты и книги.

– Брось! Ради друга ничего не жалко. Они твои! – Все происходящее бесконечно радовало его.

– Шутишь? Я могу взять почитать, но принять столь дорогой подарок...

– Кэрри, я настаиваю. В конце концов, не так часто я имею удовольствие дарить близким подарки, я и забыл, что такое – видеть на лице человека искренний восторг.

– Но это такой дорогой подарок... – вновь повторяла я.

– По-моему вполне себе обычный, не забудь поделиться своими впечатлениями!

– Гарри, ты ходишь в старом костюме, но даришь мне такие редкие книги. Ты же мог продать их и... – мне стало неловко за свою прямолинейность.

– Я больше не хочу это слышать, – произнес он мягко. – Тебе они нравятся?

– Ну что за вопрос! Да! Спасибо тебе! Это чудесный подарок.

Мы с минуту помолчали.

– Значит, ты считаешь, что я плохо выгляжу? – рассмеялся он.

– Какая же я бестактная! – я закрыла лицо руками. – Прости мне это неуместное замечание.

– Кэрри, мне нравится твоя честность. Это одна из причин, почему мы с тобой друзья. Тебе незачем извиняться за правду.

– Мне очень приятно, – сказала я после некоторого молчания. – На какие картины ты выменял книги?

– Один пейзаж и портрет дамы в кафе.

– В желтом платье?

– Да.

– Мне нравится это картина. Уверена, что однажды увижу ее в одном из салонов.

Гарри снова улыбнулся, но теперь своей особенной, грустной улыбкой. Она появлялась на его лице, когда речь заходила о творчестве и его картинах.

– Я напишу еще сотню картин.

– И правильно! Ты очень талантливый, Гарри. Ты ходил на занятия сегодня?

Он покачал головой.

– Вот в чем твоя проблема. Ты хочешь завоевать мир своим искусством, но упускаешь из вида важный фактор – чтобы стать гением, нужно учиться. Получить образование... Знаешь, как это много значит? И к тому же, у тебя всегда будет профессия, если вдруг с живописью не заладится.

Он молчал, а я не унималась.

– Пойми, что у тебя есть огромная привилегия, и грех было бы ей не воспользоваться. Ты столько узнаешь в университете: и об истории искусств, и о техниках, обо всех математических тонкостях! Подумай, насколько это тебе поможет.

Гарри все еще молчал. Я говорила мягко, но все же испугалась, что обидела его.

– О чем ты думаешь? Снова я не к месту со своей правотой? Мне просто хочется помочь тебе понять...

– Ты должна идти учиться, – перебил он, словно не слыша, что я говорила до этого.

– Что? – оторопела я.

– Тебе нужно держать экзамен и учиться. У тебя прочный фундамент для того, чтобы совершенствовать свои знания. Я же – пропащий. Мне это не нужно. Я поступил, чтобы уважить отца. Я люблю учиться, но сам. Университет не для меня. А вот тебе он помог бы прорубить дорогу к успеху.

– Успеху в чем? – я улыбалась его горячности.

– Да в чем хочешь! – он придвинулся ко мне. – Кэрри – ты особенная. Ты не такая, как все, и это основная причина, почему тебе стоит попробовать.

Я задумалась, он увидел это.

– Ты же говорила, что у тебя были мысли на этот счет. Что же изменилось?

– Женщинам запрещено получать высшее образование, если ты забыл. Нам запрещено практически все, что разрешено вам.

– Но в Кембридже множество учебных заведений! Я знаю, что в Лонгвесте принимают женщин с 1880-го года. Тебе стоит попробовать. Ты ничего не потеряешь, если ничего не выйдет. Но зато сколько обретешь, если все получится!

Я всегда мечтала учиться наравне с мужчинами, эта мечта казалась мне такой несбыточной и далекой, но именно она давала мне надежду на то, что когда-нибудь не я, но другие девушки смогут удостоиться такой волшебной привилегии.

– Я могу поговорить с друзьями из Лонгвеста, они наверняка знают правила приема и прочее. – Продолжил Гарри. – Что скажешь?

– Что мне очень повезло с новым другом. Спасибо, Гарри, – я взяла его худую руку с длинными, выпачканными краской пальцами. – Это лучшая твоя идея.

Мы вышли в гостиную, где все уже собрались на чай и о чем-то беседовали. Я подошла к креслу тетушки и села около нее, она по обыкновению улыбнулась мне и подставила щеку для поцелуя.

– Опять вели умные разговоры с мистером Смитом? – спросила она меня.

– Он принес мне коллекционные издания Скотта, тетушка. Он так стремится всем угодить, такой он добрый и участливый.

– Может, не всем, а только тебе? – В ее интонации и взгляде читалась игривость, не свойственная тетушке Кинг, я немало удивилась.

– Тетушка... как, право, можно...

– Не смущайся, милочка, это все мои шутки. Тебе нужна куда более достойная партия.

Я возмутилась про себя.

– А нужна ли... – почти шепотом произнесла я.

– Возможно, и не нужна, милая, – тетушка обладала тончайшим слухом. – Но, думаю, ты достойна хорошей партии. В отличие от твоей сестрицы.

– Тетушка? – я еле сдерживала смех.

– Умным женщинам всегда тяжелее выйти замуж несмотря на то, что они более достойны этого, чем всякие пустышки. Я люблю твою сестру, Кэрри, и она удачно выйдет замуж. Потому что ни на что большее она не годится. А ты годишься, – добавила она, нагнувшись.

– Тетушка, я хочу держать экзамен в Лонгвест, – неожиданно для себя выдала я.

По лицу тетушки скользнуло одобрение, этот момент был одним из лучших в моей жизни. После некоторого молчания она повернулась ко мне, и глаза ее блестели от восторга.

– Не подведи меня, милочка.

Жильцы обсуждали приезд французского посла в Англию, миссис Оуэн что-то наставительно говорила Мерил, которая бросала на меня взгляд, молящий о спасении, а Гарри пытался разболтать мою нерадивую сестру, которая, казалось, даже раздулась от обиды на меня.

– Как вы считаете, дамы и господа, стоит ли женщинам получать образование? – спросила я, как бы непринужденно и ради житейского интереса.

Все взгляды обратились ко мне, что не могло не нравиться – возбуждать противоречивые чувства в ком-то всегда приятно.

– Мисс, однако, компрометирующий вопрос... – пробурчал мистер Боул, который очевидно не знал значение слова «*компрометирующий*».

– Юной леди достаточно быть хорошо воспитанной. Образование ни к чему. – Твердо произнося каждое слово, выдала миссис Оуэн. Она была консерватором до мозга костей, вдобавок кичилась своей бедностью, словно бедность – предмет ее гордости. Ей не нравилось, что ее дочь стремилась к чему-то и была такой непохожей на нее саму, поэтому она держала бедняжку в узде.

– Неужели, миссис Оуэн? – вступила тетушка Кинг, подняв брови. – По моему скромному разумению, образование никогда не мешало юным леди. В жизни всегда должно быть место для созидания знаний и их совершенствования. В наше время нам предлагали лишь гувернанток, даже школы для девочек были редким явлением. Какое счастье, что теперь наши дети могут получать образование, хотя наше великое государство еще ставит препоны на пути женщин.

– Говорят, в Америке все иначе, – отметил мистер Гроу, отпив чая и почесывая подбородок. – Европа еще пребывает в логове предубеждений. Хотя во Франции уже намечается некоторый прогресс.

– Женщинам нужно образование хотя бы для того, чтобы усмирять мужское эго, – заметила миссис Финиган, вдовушка трех или четырех мужчин, вероятно, с большим эго.

– А что думает молодежь? – весело улыбнулся мистер Гроу в нашу сторону.

Мерил потупила взгляд, хотя я знала, что ей хочется высказаться. Она мечтала об образовании, восхищалась прогрессом и стремилась к развитию – и эта любовь ко всему движущемуся вперед была ее плюсом. Но этот плюс перевешивал огромный минус – ее мамаша.

– Я не понимаю, почему люди так ограниченно мыслят! – вставил Гарри, он любил парировать, оживленно жестикулируя и вкладывая всю горячность души в свои убеждения. – Скоро минует девятнадцатый век, а мы все еще словно в Средневековье, где женщина считалась исчадием ада! Время одуматься и отринуть оковы! Мне хочется верить, что однажды мы все будем свободными и равными. Что деньги перестанут править нашими умами, а интеллект и душевная доброта будут цениться людьми гораздо выше, нежели положение в обществе.

– Однако мужчины едва ли захотят конкурировать с нами, – улыбнулась я. – Это и есть камень преткновения – ваш страх перед нами. Ведь мы гораздо более выносливые, терпимые и обладаем весьма развитой интуицией. А если мы еще и превзойдем вас в научных открытиях, искусстве и политике...

– Помилуйте, женщина в политике? Что доброго нам тогда ждать? – вновь смеясь своим глупым смехом, произнес мистер Боул.

– Прошу меня извинить, но мы и ныне не наблюдаем ничего доброго, – сказала тетушка Кинг. – Женщины по крайней мере умеют доводить дела до конца и не дают пустых обещаний.

– Это, однако, смотря какие женщины! – мистер Боул с хитрым выражением сотрясал воздух своим толстым пальцем.

Подобный формат времяпрепровождения был вполне себе обычным делом в маленьком пансионе тетушки Кинг. Мы собирались все вместе и делились мнениями на любые темы. И даже если доходило до ссор и разногласий, на следующий день все забывалось, и мне это нравилось. Мне нравилось жить в атмосфере, объединившей столь разных личностей. Мне нравилось, что тетушка располагала хорошей библиотекой, нравилось гулять по оживленным улицам Кембриджа, нравилось смотреть на людей, на картины Гарри и вдохновляться каждым мгновением. По воскресениям мы ходили в церковь, и даже за пением гимнов я чувствовала, как новое дыхание открывается во мне; чувствовала прилив жизни, осознание прекрасного, которое кроется в каждой мелочи, разбросанной по нашей жизни. Иногда мы с Гарри и Мерил выбирались в музей.

– Какие картины тебе нравятся? – спросила меня однажды Мерил, когда мы листали большую книгу по живописи, которую принес Гарри.

– Хм, – подумала я. – Разные. Я люблю, когда картины вызывают мурашки, когда хочется плакать или смеяться, или жить. Все дело в эмоциях. Если они есть – картина хорошая, так я сужу.

– А я люблю светлые. Такие воздушные, наполненные солнцем и нежностью.

– Как у Буше? – улыбнулась я, показывая на картину.

– Да! – обрадовалась она. – Мне хочется, чтобы живопись была светлой, чтобы она окрыляла и приносила свет в нашу мрачную реальность.

Я обняла ее. Мне было ясно, отчего она так рассуждает. В ее жизни было так мало света, и она сама им стала. Добрая, светлая Мерил. Спустя десять лет я пришлю ей картину Моне, и она будет несказанно счастлива и повесит ее в своей маленькой, уютной гостиной, такой же светлой, как она сама.

IX

Нора вернулась домой глубоким вечером. Распорядившись по поводу приготовлений к завтрашнему обеду с сыном, она поднялась к себе и достаточно быстро уснула. Наутро Дик даже не спросил, в котором часу она пришла домой и как провела время. Они завтракали в тишине, и Нора, поглядывая на супруга, в очередной раз задалась вопросом «*что же между нами?*» и сама отвечала на него: «*мы совершенно чужие*».

День выдался по-настоящему весенним: солнечные лучи ласкали ветви пробудившихся деревьев, теплый ветер залетал в комнаты, принося с собой свежее дыхание весенней поры. Нора сидела в гостиной с рукоделием, к которому притрагивалась довольно редко. Она уже была одета к обеду и с нетерпением ждала встречи с сыном, радуясь словно ребенок. Из кухни доносились ароматы жареной курицы и пудинга, а служанка хлопотала в столовой, расставляя серебро и бокалы из хрусталя.

– Жаль, что Брэд не присоединится к нам, – вздохнула Нора, когда Дик спустился и сел на кресло с газетой.

– У парня много работы, и это отлично – в его годы нужно трудиться. Я рад, что наши сыновья пробивают себе дорогу сами.

Нора промолчала. Дик всегда был суров в воспитании сыновей, особенно это касалось Майкла, который, по его разумению, слишком часто витает в облаках. Поэтому он снял младшему сыну апартаменты, чтобы отгородить его от пагубного влияния распущенных сокурсников.

– Постарайся, пожалуйста, быть добрее к Майклу.

– Что ты имеешь в виду? – ухмыльнулся Дик, не отрываясь от своей газеты.

– То, – Нора бросила свою работу, – что ты всегда резок с ним. Он учится первый год, и ему тяжело.

– Брось эти глупости, я веду себя так, как должно отцу вести себя с его детьми.

Нора не стала ничего отвечать. Она не могла взять в толк, откуда в человеке, которого она когда-то боготворила, столько холода и равнодушия ко всему, включая собственных детей. Она любила своих сыновей, но ей всегда казалось, что она делала это недостаточно, потому как их отец всегда был для нее важнее. Теперь она понимала, как ошибалась. Ее детям не досталось тепла и ласки от обоих родителей, она должна была подарить им всю ту любовь, которую дарила Дику, и которой он так пренебрегал. Ей стало так тоскливо от этой мысли, что она вздохнула и решила впредь не допускать таких оплошностей. В конце концов, ее дети – это все, что у нее есть, они-то ее не разлюбят как Ричард. Как жаль, что она осознала это так поздно – вряд ли ее повзрослевшие дети нуждались теперь в ее опеке так, как нуждались в ней, будучи маленькими.

«*Наконец он приехал!*» – подумала Нора, когда услышала звуки подъезжающего автомобиля.

– Кэйси! Принеси напитки, Майкл приехал, – крикнула она горничной. – Я так рада, что ты дома! – вышла на веранду Нора, обнимая сына. – Ты похудел с зимы!

– Я тоже рад, мама, – улыбнулся Майкл.

Это был невысокий молодой человек с вьющимися светлыми волосами, глубокими голубыми глазами и доброй спокойной улыбкой, рисующей ямочки на его щеках. На нем был выходной серый костюм и новые блестящие туфли. Он снял шляпу и легкий плащ и протянул руку отцу, улыбка на его лице тотчас исчезла.

– Не стоило посылать за мной Роджера, отец. Я бы добрался сам.

– Пустяки. Как поживаешь? Бренди со льдом?

Они прошли в гостиную, где Дик налил выпить и протянул сыну конверт, который тот спрятал в кармане пиджака.

– Все в порядке, готовлюсь к экзаменам, хочу сдать их досрочно, чтобы к июню быть свободным.

– У тебя планы, дорогой?

– Я думал отправиться в круиз или что-то в этом роде. Посмотреть хотя бы малую часть света. Хотя сейчас отчего-то многие говорят о войне. Ты что-то знаешь об этом, отец?

Дик нахмурился.

– Увы, нет. Слухи, конечно, ходят. Но если бы верили всем слухам, война была бы каждый год.

– Что-то в мире определенно меняется.

– Хотелось бы верить, что война не станет рычагом к этим изменениям, – вставила Нора.

– Если что-то и будет, наше правительство непременно сделает все возможное, чтобы отгородить нас от бессмысленных военных действий.

– Будем надеяться! – Нора не хотела говорить о политике, которую так обожал Дик. – Время обедать! Ты проголодался, милый? Расскажи, как дела в университете? Как твои друзья?

Пока они шли в столовую, Майкл рассказал о последнем заседании в клубе книголюбителей, которые он устраивал со своими сокурсниками, и о последних новостях в ученом совете. Нора была по-настоящему счастлива в этот момент, ей хотелось бы продлить его, хотелось бы быть рядом с Майклом как можно дольше, она почувствовала огромный прилив любви к своему уже взрослому и красивому сыну.

– Так ты собрался в круиз? – спросил Ричард сына, когда они принялись за обед. – И надолго?

– Полагаю, на месяц. – Майкл как-то странно улыбнулся, посмотрев на мать. – Ты хорошо выглядишь, мама.

– Спасибо, милый.

– На месяц? Тебе не надоест корабельная качка? – не унимался Дик. – Если в тебе проснулся охотник до путешествий, можешь отправиться в Бразилию или на Таити, чтобы прочувствовать местный колорит.

– Говорят, острова – сейчас особенно модные места для отдыха, – добавила Нора.

– Что у вас нового? – Майкл решил сменить тему.

– Представляешь, я на днях встретила свою подругу детства, с которой мы не виделись более двадцати лет!

– Неужели? Двадцать лет – срок немалый.

– Да, теперь она Кэролайн Стоун, но в ней все тот же огонь, что и в годы нашего юношества. Приятно осознавать, что некоторые люди не меняются.

– Кэролайн Стоун? Писательница?

– Ты читал ее книги?

– Да, одну, очень интересно. Моя невеста как-то дала мне ее.

Родители обратили на него удивленные взгляды и замерли в ступоре.

– Милый? – Нора оставила вилку и взяла сына за руку.

– Да, я женюсь. Хотелось преподнести это как-то менее банально.

– *Что* ты вздумал сделать? – Лицо Дика разругалось от наполнявшего его гнева.

– Жениться, отец. Жениться, – спокойно произнес Майкл, продолжая есть. – Картофель отменный!

– Но, Майки, как... что... кто она? – Нора совершенно растерялась.

– Какая разница, кто она! Ты с ума спятил? – разгорячился Дик, повышая тон.

– Я не собираюсь оправдываться, отец, – все так же спокойно отвечал Майкл.

– Ты еще года не отучился, а уже думаешь о женских юбках? Институтка вскружила голову, узнав, из какой ты семьи, а ты и уши развесил? Сначала научись сам себя содержать, прежде чем мнить себя муженьком! Что за нелепость! – Дик лютовал.

– Дик, постой! Майкл, кто эта девушка? – с заботой в голосе обратилась она к сыну.

– Ее имя Розмари, она сестра моего друга, и, к слову, тоже учится.

– Из какой она семьи?

– Это совершенно неважно! – спокойное лицо Майкла начинало искажаться, волнение захлестнуло и его.

– Неважно?! – обратился к нему Дик. – Ты слышала, Элеонора? Ему все равно, на ком собирается жениться.

– Нет, отец, мне не все равно. Я женюсь на девушке, которую люблю. Она не богата, но чрезвычайно добра и заботлива. И я уже все решил.

– Решил? А ты вообще вправе решать? – Дик говорил холодным тоном, полным разочарования. Он встал и закурил.

– Я и не надеялся, что найду в этом доме понимания. Я хочу сам решать свою судьбу, не уповая на вашу благосклонность.

– Майкл, ну что ты! Мы с отцом поможем тебе всем! Ты просто ошарашил нас такой новостью, правда, Дик?

– Поможем? Уничтожать свою жизнь? – Дик даже не обернулся, он продолжал смотреть в открытое окно, ведущее на террасу. – Ты не получишь от меня ни копейки, пока не одумаешься и не повзрослеешь.

– Дик! – у Норы закружилась голова, ее руки похолодели. – Что ты такое говоришь?

– Он ведет себя как мальчишка! Но эта дурь пройдет, – обернулся он. – И тогда мы наконец поговорим как мужчины.

Повисло молчание.

– Что ж, – Майкл вытер рот и встал. – Спасибо за обед, мама. Все было чудесно. – Он повернул голову в сторону отца и достал конверт. – Мне это не нужно. Мне ничего от тебя не нужно. Если хочешь знать, я устроился на работу, поэтому содержать себя сумею. Передай лучше эти деньги Брэду, он заслужил их больше, ведь он настоящий мужчина, так?

Не дав отцу времени на ответ, он бросил конверт на стол и вышел в переднюю.

– Дик, ну какой же ты глупец!

Нора выбежала за сыном.

– Майкл! Постой! Неужели ты так просто уедешь? Прости отца, он вспылит, но сынок, – она положила руку на его плечо. – Ты серьезно намерен жениться так рано? Я спрашиваю это из любви, неужели ты ожидал, что мы примем все спокойно?

– Да, мама, я все решил. Я знаю, что это шок для вас, но я все обдумал. Прими это.

– Это будет нелегко... Ведь ты только начал учебу! Почему бы не подождать? – Она заметила выражение скепсиса на его лице, усмешка скользнула по его губам. – Я не говорю, что стоит разорвать помолвку, я говорю лишь о времени. Если ваша любовь сильна, она пройдет через все трудности, включая ожидания. Честно говоря, это пойдет ей даже на пользу. К чему эта спешка? Вы молоды, у вас еще много времени впереди! Будет время узнать друг друга и окрепнуть как личности. Брак вообще часто все портит, откровенно говоря...

– Мама, – Майкл смотрел на мать с таким теплом, какого она раньше не замечала в его взгляде. – Ты изменилась.

– Да?

– Да. Ты стала мудрее, – он помолчал в раздумье. – Возможно, ты права.

Нора улыбнулась.

– Я бы очень хотела познакомиться с Розмари! Может, вы приедете на ужин в следующую пятницу? Брэд собирался к нам. Я уверена, что отец остынет.

– Я поговорю с ней.

– Отлично. Возьми это, – она протянула конверт. – Не упрямясь! Пускай они пойдут на твое путешествие.

– Спасибо, мама.

– Я была так счастлива тебя видеть, – она обняла сына, и ей стало гораздо легче. – Ты уже совсем взрослый... Подумай о том, что я тебе сказала.

– Непременно. До встречи.

– Хорошей дороги!

Нора возвратилась в дом, наполненная до краев противоречивыми чувствами. Она знала, что была права, знала также, что Дик был прав, но и Майкл вправе сам решать свою судьбу. Зато теперь она могла насладиться тем, что сделала хоть что-то правильное в отношении своего сына – она встала на его сторону. И она почувствовала невероятный прилив сил, словно, наконец, она проснулась и может действовать так, как велит ей сердце. Хотя на самом деле об окончательном пробуждении еще было рано говорить. Она вошла в гостиную и налила себе бренди. Осушив бокал, она прошла в столовую, где неподвижно стоял Дик.

– Зачем ты так с ним? – спросила она с досадой.

– Как?

– Несправедливо. Если бы Брэд пришел к нам с такой новостью...

– Брэд уже взрослый! Он уже сам зарабатывает себе на жизнь!

– Но и Майкл не ребенок! – она выдохнула, чтобы продолжить разговор спокойным тоном. – Послушай, он согласился подождать, не рубить с плеча, он обещал подумать насчет моего предложения не жениться до окончания учебы.

– Ха! Мудро с твоей стороны! – иронически произнес он и резко повернулся к жене, глаза его метали искры.

– У тебя есть предложения лучше?

– Я вообще не одобряю этот с позволения сказать брак! И никогда не одобрю! Он не женится на какой-то институтке, когда должен жениться на девушке из почтенной семьи!

– Что ты такое говоришь? – Нора смотрела на него, не понимая смысла его слов.

– До чего ты глупа! Я говорю о том, что я спланировал женитьбу Майкла. Мы с Джимом Гейблом еще десять лет назад решили свести наших детей, но, когда те получают образование и встанут на ноги! А он что творит!

– Ты решил судьбу нашего сына за него? – она выговаривала каждое слово твердо, но сама теряла силы. Ее голова вновь закружилась, и она медленно опустилась на стул. – Когда же до тебя дойдет, что не все в этом мире можно решить деньгами и договорами? – В ее интонации звучала ненависть.

– К счастью, никогда. Потому что все в жизни – результат чьего-то сговора. Брак, по крайней мере, точно.

– Ты несешь бред! – Нора повысила голос. – Ты не можешь контролировать жизнь сына! Хватит мнить себя Богом!

– Не смей кричать на меня, Элеонора, – он подошел совсем близко к ней. – Ты возомнила, что у тебя есть голос, когда начала сноситься с этой прогрессивной писательницей? Думаешь, можешь что-то решать? Даже в нашем браке ты никогда ничего не решала. Наш брак – это тоже договор. Ты глупа, раз думала иначе, – он собрался уходить.

– Договор?

– Именно так. Твой отец очень уж хотел от тебя избавиться и предложил неплохое приданное. Но, не могу отрицать, что я любил тебя, Нора. Так что, можешь так не бледнеть, все было честно.

Нора улыбнулась, а затем громко рассмеялась.

– А ты прав, Дик. Договор... Я заключила договор с дьяволом, когда вышла за тебя. Какое счастье, что за столько лет мы говорим честно друг с другом.

– Думаю, ты должна благодарить меня за свое освобождение, – усмехнулся Ричард.

– Ты – чудовище, – почти шепотом ответила Нора.

Она не помнила, как вышла из дома, села в машину и очутилась в саду Стоунов.

Х

Кэрри сидела на качелях в своем яблоневоm саду. На столике около нее стояла бутылка белого вина, а на коленях лежала книга. По вечерам, когда дети занимались, она любила погружаться в себя – работать или читать на свежем воздухе.

– Нора, вот так сюрприз! Я не ждала тебя сегодня. Присаживайся. – Нора, укутанная в шаль, подошла к Кэрри и села рядом. Теперь ей было неловко.

– Я не помешала тебе? Мне так неудобно, но мне не с кем больше поговорить...

– Брось! Может, выпьешь вина? Или съешь чего-нибудь? Подожди, я принесу бокал.

Нора ощутила на своем лице дуновение весеннего ветра, и ей на мгновение стало легче. На душе у нее было одновременно легко и тяжело, она чувствовала, что жизнь ее в корне меняется, и это ощущение давало ей надежду. Когда вернулась Кэрри, Нора была совершенно спокойна, они выпили и немного помолчали.

– Что стряслось? – наконец спросила Кэрри.

– Мой сын решил жениться. Главная новость.

– О, поздравляю... – Неуверенно сказала Кэрри.

– Они с Диком разругались, и Майкл уехал. Поздравлять, собственно, не с чем. Мы не поддержали его в этом решении. Ему же только восемнадцать, он студент первого курса! Ты знаешь, – продолжила она после некоторого молчания. – Я вспомнила, что ты и моя кузина Сара говорили мне насчет быстрого замужества. Я теперь все поняла, Кэрри. И я сказала ему, чтобы он не спешил, а проверил свои отношения. Может, он избежит моих ошибок...

– Каких ошибок, дорогая?

– Ох, мой брак – это одна большая и липкая ошибка. Теперь мы только мучаем друг друга. Хотя вначале все казалось таким волшебным... Я не хочу, чтобы мой сын так же обманулся!

– Ты молодец, Эли. Ты все сделала правильно.

– А вдруг он начнет ненавидеть меня за то, что я его не поддержала? – Ее голос задрожал.

– Ну что ты! Ты его мать, и он знает, что ты любишь его и всегда будешь на его стороне. Даже не смей думать так! Мы часто совершаем ошибки в воспитании детей, это нормально. Но важно лишь то, как мы учимся их исправлять. По-моему, ты учишься очень неплохо.

– Не знаю... Я всегда была плохой матерью. А Дик... Дик всегда больше внимания уделял Брэду как старшему сыну. Только сейчас я поняла, как была неправа, как разрушала свои отношения с детьми из-за желания поддерживать отношения с мужем.

– Но ты это поняла. И это самое главное! Теперь у тебя есть шанс все исправить. Расскажи мне про Дика.

– О, нет, – улыбнулась Нора. – Я сама еще до конца не сознаю, что происходит в нашей семье. Сплошной сумбур. И я жду продолжения твоего рассказа!

– Давай пройдем в дом, становится прохладно.

Они вошли в дом. Было так тепло и так тихо, что не хотелось покидать это уютное место. Они прошли в гостиную, Кэрри позвала экономку.

– Выпьем кофе! Я особенно люблю черный кофе в это время суток.

– Твои дети наверху?

– Да, у них занятия, но скоро они закончат. Ты присоединишься к нам за ужином?

– С удовольствием. А как же твой муж? Он не вернулся? – Норе не терпелось увидеть мистера Стоуна.

– Нет, к сожалению, возникли срочные дела. Но скоро тебе представится возможность с ним познакомиться.

– Была бы я рада, если бы Дик уезжал так надолго.

– Была бы я рада, если бы Эдвард был часто дома, как твой Дик.

Подруги улыбнулись.

– О, Лаура! – вошла тучная экономка с добрым лицом. – Дорогая, принеси нам кофе и твоих волшебных пирожных!

– Да, мадам, сию минуту, – Лаура улыбнулась любящей материнской улыбкой. Прислуга в доме Стоунов любила и уважала хозяйку даже не за то, как она к ним относилась, а потому, что все знали, отведи миссис Стоун на кухню – и она состряпает обед, дай испорченное белье – она починит. Она была «своей».

– Таких фруктовых корзиночек ты никогда не пробовала! Лаура потрясающая. Она очень давно с нами, настоящий член семьи.

Когда экономка принесла кофе и пирожные, Кэрри принялась за рассказ, который Нора ждала с огромным нетерпением.

Я помню, этот день был пасмурным и серым, прямо как в Лондоне, я тряслась как клиновой лист под порывами ветра. Но я нашла в себе силы, чтобы выйти из дома, взять Гарри под руку и направиться в университет. Он даже обещал ходить на занятия первое время, чтобы поддерживать меня. Я до сих пор чувствую запах свежей белой краски, которой красили фасад величественного здания, в котором учились гениальные умы прошлого. Меня принял декан литературного факультета, серьезный мужчина с умными глазами, одетый в клетчатый костюм. Мы сидели в приемной, словно ожидая смертного приговора.

– Может, уйдем отсюда? – вдруг сказала я.

– На тебя это не похоже. Мне казалось, ты смелая.

– Не настолько.

– А чего тебе бояться?

Действительно, чего? Поводов для страха не было, но все равно я переживала. Переживала, что меня не примут всерьез или сочтут за дуру, потому что я женщина. Это был дерзкий поступок, и многие осудили бы его. Но я чувствовала, что поступаю правильно, хоть и боялась быть отвергнутой.

– Мисс Уайт, – сухо позвала меня секретарь.

Я взглянула на Гарри, его улыбка подбодрила меня, и двинулась в сторону кабинета.

– Добрый день, – на удивление мой голос был уверенным и твердым.

– Добрый. Присаживайтесь, мисс.

Стол декана Филиппа был завален бумагами вперемежку с книгами, он что-то заполнял, и когда закончил, снял очки и, изучив меня, приступил к допросу.

– Что ж, секретарь дала вам форму для заполнения, мисс?

– Да, вот она, – я протянула бумагу декану.

– Так-так... – Он надел очки и принялся изучать заполненный мной документ. – Вы получили домашнее образование, не так ли?

– Да, верно. У меня была гувернантка до пятнадцати лет, а после моим образованием занимался отец.

– Что ж, и почему вы хотите получить высшее образование? Вы же понимаете, что вы не сможете работать по профессии?

– Я смогу быть учительницей.

– Это верно, – по его морщинистому лицу скользнула улыбка. – Сможете. Если осилите нашу программу, – с вызовом сказал он.

– Смогу, – я приняла вызов без колебаний.

– Тогда вам нужно сдать экзамен. Вы немного опоздали, семестр уже начался, придется нагонять материал.

– Я уверена, что справлюсь.

– В таком случае, дам вам список вопросов и рекомендации по подготовке. Трех дней вам хватит?

– Да, сэр.

– Чудно. Посмотрим на ваш результат и сделаем выводы. Экзамен состоит из двух частей: письменной и устной. Вам нужно будет написать сочинение и рассказать два вопроса устно. Справитесь?

– Я думаю, да, сэр.

– Что ж, тогда удачи в подготовке.

Он пожал мне руку, и я вышла в приемную, где меня ждал Гарри. Казалось, что я пробыла в кабинете декана больше часа, на деле и десяти минут не прошло.

– Ну что? – донимал меня Гарри, когда мы вышли из приемной.

– Он дал мне вопросы к экзамену.

– Дал? Отлично! Когда экзамен?

– Через три дня.

– Дай взгляну на вопросы, – он выхватил у меня листы. – Хм, когда я поступал, их было меньше. Ты справишься?

– Разумеется, – с оскорбленным видом ответила я. – Ты сомневаешься? – Я забрала свои бумаги обратно и сложила в папку.

– Ни капельки! Уверен, ты уже и так знаешь ответы на многие вопросы. Просто сосредоточься, и все. А как у тебя с сочинениями?

– Я пишу рассказы с детства. Думаю, проблематику «Дон Кихота» изложить смогу.

– Тогда отлично! Я приду поддержать тебя.

– Спасибо, Гарри! – Я пожалала его руку. – Спасибо за то, что поверил меня и подтолкнул на этот шаг. Я бы, наверное, струсил.

Он снова улыбнулся своей теплой улыбкой.

– Мне пора на занятия. Я же обещал, – он особенно выделил последнее предложение.

– Это принесет тебе больше пользы, чем ты думаешь. Вот увидишь.

– Ты доберешься до дома сама?

Я посмотрела на него с укоризной.

– Я почти студент университета! Я теперь все могу!

И я выпорхнула из здания, наполненная невероятным чувством легкости и гордости за себя. Конечно, все самое сложное было впереди, скажешь ты, но нет – для меня всегда было труднее всего начать. Когда ты делаешь что-то, что кажется тебе правильным – нет момента более счастливого. Вот тогда я окончательно поняла, что мое предназначение в жизни гораздо интереснее, чем его пророчили. В общем, я была заведена, и мне хотелось довести дело до конца. Родителям я решила ничего не говорить, пока не станет ясно, что меня приняли. Я была уверена, что меня примут. Как только я вернулась домой, меня настигла моя ненаглядная бездельница-сестрица.

– Где это ты была так рано? – Было ощущение, что она только проснулась: распущенные волосы разлетались по плечам, постель не заправлена.

– У меня были дела в городе.

– Какие? – Ее любопытство сложно было приструнить.

– Какая тебе разница? – спокойно спросила я, усевшись за туалетный столик.

– Интересно. Куда бы ты ни ходила, это жестоко – не брать меня с собой. Ты же знаешь, как мне скучно, – ее укор звучал смешнее некуда, поэтому я не смогла сдержать смеха.

– Тебе бы там не понравилось, поверь.

– Не надо решать за меня!

– Ну ладно, чтобы ты отстала, скажу. Только зарекись, что никому не скажешь! Об этом знает только тетушка и Гарри, больше никто. Ну же!

– Хорошо, клянусь, что не скажу никому.

Я знала, что не скажет, эта новость не была какой-то сенсацией, она не стоила того, чтобы хвалиться ей.

– Я буду держать экзамен для поступления в университет. Сегодня я была у декана.

– Ты хочешь учиться? – скучающим тоном пролепетала она.

– Да.

– Хоть как-то убьешь время.

Это все слова поддержки, вылетевшие из ее уст, которые никогда не исторгли ничего более-менее умного. Но мне и не нужна была поддержка: ни ее, ни чья-то еще. После ланча я засела за вопросы к экзамену. Оказалось, что многие произведения я и вправду читала, но большинство вопросов откровенно ввергали меня в ступор. Поэтому я сразу же направилась в библиотеку тетушки Кинг и попросила ее помощи – она была женщиной образованной и умела все доступно объяснить. Она дала мне необходимые книги из списка, снабдила бумагой, перьями и спокойной обстановкой. Мы разобрали с ней вопросы, которые вызывали у меня некоторые сомнения, и она оставила меня наедине с фолиантами, пока не пришло время обеда. День еще никогда не казался мне таким коротким. Наспех пообедав, я вернулась к занятиям и прокорпела над книгами целый день, пропустив ужин.

Так было и в следующие дни. Еду мне приносили прямо в библиотеку, которая стала моим постоянным местом нахождения. Несмотря на все мои старания, мне казалось, что я все равно ничего не знаю и не запоминаю. Это ощущение не давало мне покоя. Иногда я устраивала себе перерывы, чтобы прийти в себя, подышать воздухом и убедиться, что я еще не спятила. Вечер перед экзаменом я посвятила отдыху. Мы с Гарри прогулялись по городу, обследовали тихие улочки и посидели у реки, бросая булочные крошки голубям.

– У тебя все получится, Кэрри. Ты изрядно потрудилась, – ободряюще сказал он мне.

– Я тоже так думаю. По крайней мере, я сделаю все, что в моих силах. – Мы помолчали, затем я решила поразмышлять вслух. – Сейчас сказала, а потом засомневалась. Что значит «сделаю все, что в моих силах»? Как вообще это можно понять? Откуда мне знать порог собственной силы?

– Наверно, мы должны это чувствовать.

– Но я не чувствую! Мне кажется, что я могу все, что я обладаю такой огромной силой, но не пользуюсь ей полностью, и это удручает меня. Я всегда думаю, что делаю мало, недостаточно. Это нормально?

– Просто ты хочешь делать все по максимуму. Я тоже постоянно не доволен собой. Мне кажется, я ни на шаг не приближаюсь к своей цели.

– Мы должны трудиться и выжимать все из себя. А может, если кажется, что ты делаешь мало – означает, что ты делаешь много. Как считаешь?

– Неплохая теория.

Ночь прошла просто ужасно. Я не могла уснуть от переживаний, а когда засыпала, видела страшные вещи во сне и просыпалась. Под утро я наконец крепко уснула, но буквально через час меня разбудила горничная, и я принялась собираться на экзамен. Чувствовала я себя скверно: все тело ломила усталость, голова гудела как паровоз, в ней словно все перемешалось. Удивительно, но билет мне попался довольно простой. Я радовалась своей образованности и с самодовольным видом строчила сочинение и ответы на вопросы. Когда меня вызвали отвечать, я почувствовала, как пересыхает горло, и становится тяжело дышать. Я прошла к кафедре, за которой сидело три профессора, в их числе декан. Помимо меня экзамен сдавали еще трое. Я была единственной девушкой, конечно же.

– Мисс Уайт, прошу, – пригласил меня декан.

Неровной походкой я подошла к кафедре и села напротив преподавательского стола. Мой ответ показался мне блестящим – когда я начала отвечать, мысль потекла сама собой, я говорила уверенно и была счастлива в эту минуту собственного, как мне казалось, триумфа. Они

выслушали меня и задали свои вопросы. Я пыталась быть сосредоточенной, но кое-где все равно сбивалась и брала минуту на размышления. С сочинением все было гораздо проще – его должны были прочесть после того, как я покину аудиторию, и сообщить мне результат через два дня.

Когда я вышла, все было как в тумане: я не понимала, сделала ли я все правильно или провалилась – так как никаких комментариев за моим ответом не последовало. Я решила прогуляться до пансиона одна, размышляя о, возможно, упущенном шансе по-настоящему стать кем-то. Мне показалось, что если я не смогла сделать все, что было в моих силах, то я всю жизнь так и останусь просто Кэрри, которая будет влачить самое заурядное существование.

Я не стала говорить на тему экзамена ни с тетушкой, ни с Гарри, хотя они терзали меня расспросами. Я сказала лишь, что мне должны написать в течение двух дней. Если ответ будет положительным, то я на следующий день должна буду явиться к декану. Меня лихорадило от ожидания. Я не хотела и не могла говорить ни с кем, включая мою нерасторопную сестрицу. Она, к слову, не особенно интересовалась тем, как складываются мои дела. Я, в свою очередь, была абсолютно равнодушна к ней. На наших обычных собраниях за чаем я держалась обособленно, будучи полностью погруженной в свои мысли. Два дня тянулись бесконечно долго. Но по истечении второго дня, я решила взять себя в руки – и некоторые люди этому способствовали.

Вечером я получила письмо, чем решила поделиться с Мерил. Мы присели в саду, и мои руки судорожно вскрывали конверт. Но Мерил остановила меня.

– Прежде чем ты узнаешь результат, я хочу кое-что сказать тебе, Кэрри. Я восхищаюсь твоей смелостью. Лично я никогда бы не решилась пойти держать экзамен в университет. Мне кажется, какой бы образованной ни была женщина, отношение к ней всегда будет более предвзятое. Поэтому, если они тебя не примут, причина будет лишь в стереотипах, а не в твоих знаниях. Я знаю, что ты гораздо умнее прочих абитуриентов, просто ты не мужчина! – мы рассмеялись.

Меня не приняли. Но на удивление мир продолжил существовать так же, как и прежде: птицы пели так же, как и два дня назад, люди сновали по улицам с такими же обреченными лицами, однако во мне определенно кое-что изменилось. Я чувствовала, словно могу летать! И все потому, что я преодолела этот барьер между мной и моей целью. Отказ только еще больше возбудил желание во мне бороться. Переживания и самоистязания сменились восторженной страстью к покорению этого мужского мира. Поэтому, когда я сообщила эту новость Гарри, он не мог взять в толк, отчего я сияю.

– Я поняла, что с первой попытки не получается сделать даже красивый стежок. Раньше мне думалось, что это крайне неприятно, когда ты не можешь сделать что-то хорошо с первой попытки. Но сейчас я так рада, что мне представилась возможность доказать всем, что я не отступлюсь. Если бы меня приняли с первого раза, это было бы странно. Это означало бы, что я такая же, как и все. Но я другая и докажу это.

Я узнала расписание экзаменов через Гарри, прежде чем мы с Элизабет должны были вернуться домой, так как родители уже сумели решить все дела, по причине которых нас на время отослали. Мои младшие братья отправлялись учиться в закрытую школу, и мы с сестрой должны были успеть попрощаться с ними. С Кембриджем я не прощалась – моя комната осталась за мной, я планировала вернуться и продолжить попытки поступить в университет. Я решила, что время дома должно благотворно воздействовать на меня: я смогу подготовиться к экзамену, рассказать все семье и со спокойной душой вернуться к реализации своего замысла. Тетушка одобрила этот план и провожала меня с надеждой на скорое мое возвращение.

Встреча с родителями после продолжительной разлуки была подлинной радостью как для меня, так и для Лиззи, которой не терпелось скорее оказаться в своей комнате. За первым же ужином я рассказала о своих планах получить образование. Казалось, родители не были

слишком удивлены, но мама не проявила должного интереса, ссылаясь на то, что это очередная моя прихоть. Зато отец полностью поддержал меня и даже помог устроить уютное и удобное место для подготовки к экзамену. Я отдохнула душой в родном краю, но про учебу и не думала забывать, просто на этот раз подошла к ней менее фанатично. В моей подготовке появилась структура, а в буднях больше развлечений, чтобы голова окончательно не распухла от переизбытка информации. Я много гуляла у реки, собирала травы для чая, иногда мы с братьями катались на лодке, и даже раз мы выбрались в театр всей семьей. Жизнь родителей постепенно возрождалась, становилась столь же привычной, как и раньше. Лиззи бегала на чай к своим пустоголовым подружкам, я много читала на лужайке, а мама напевала что-то, сидя рядом с рукоделием.

Сначала мы проводили Чарлза и Уинстона на учебу. Мне было грустно прощаться с близнецами, но я испытывала невероятную гордость за них обоих – им предстояло стать настоящими джентльменами, причем без сторонней помощи. Они были умны и любознательны, а значит, новая жизнь возблагодарит их за труд новыми впечатлениями и успехами в той стезе, что каждый из них изберет. Следом, через два дня, отбыла и я. Перед тем, как проститься со мной, отец предложил мне прогуляться по любимым местам – чаще леса, окутанной туманной пеленой утра, пригорку и лужайке, усыпанной розовыми каплями клевера.

– Будь сильной, дочка, – начал он, когда мы приблизились к лужайке. – Этот мир не особенно приветлив к тем, кто дает слабину. Но ты не из тех. Не растеряй свою силу.

– Я буду очень стараться, папа. Ты не разочаруешься во мне.

– Я не могу в тебе разочароваться, милая. Ты талантлива. И упряма, – он улыбнулся мне. – Ты уже совсем взрослая, и тебя ждет невероятный путь, в этом нет сомнений. Главное помни, что ты особенная. В тебе горит огонек, который приведет тебя ко всем желаемым высотам. Не позволяй предубеждениям затушить его.

Я остановилась. В глазах моих стояли слезы благодарности. Бросившись на шею отцу, я крепко обняла его.

– Спасибо, папочка. Спасибо за все. Я буду сильной.

– Я горжусь тобой, мышонок. Покажи этим зазнайкам, что такое настоящий интеллект.

Мне было горько уезжать. Мама плакала, причитала и умоляла вернуться немедленно, если что-то пойдет не так. Я не стала ничего обещать. После того, как почтовая карета двинулась в путь, а редущая зелень в окне замелькала бликами осенних красок, я вздохнула и улыбнулась своим надеждам, своему счастливому будущему, которое было так близко, стоило только приложить немного усилий.

На этот раз я не думала о том, получится ли у меня поступить или нет. Меня вела моя целеустремленность. Что ж, всегда можно попробовать еще, и пробовать до бесконечности, пока не получится.

Декан удивился, снова увидев меня. Я спокойно села за парту и принялась писать ответы, отринув мысли о последнем фиаско. И как ни странно, новая попытка увенчалась успехом. Конечно, я не сразу поверила и приняла свою победу. То ли мое упрямство, то ли действительно окрепшие знания сыграли роль – но результат был превосходным. Меня внесли в список абитуриентов, и после всей бумажной волокиты я оповестила всех близких о своем триумфе. Не было времени обсуждать все подробности в красочных деталях, и все это понимали, потому что мне нужно было немедленно приступить к учебе. Я и двое юношей, которые решили поступить сразу на второй семестр, очень отставали по программе, но со временем это перестало быть проблемой. По крайней мере, для меня. Мне думалось, что я обрела что-то важное в жизни, и так оно и было – я делала то, что хотела, я росла, я достигла определенной точки в своей жизни, когда человек может считаться личностью, ибо сам принимает решения.

Без преувеличения скажу, что период учебы был одним из наиболее счастливых в моей жизни. Да, было нелегко, были слезы и недосып, но я старалась изо всех сил. И учеба научила

меня признавать свои ошибки, она смыла с меня всю спесь – спасибо ей за это. Плюс, со временем я научилась расслабляться, не принимать все слишком близко к сердцу и наслаждаться спокойствием. Сейчас я твердо знаю, что залог счастья – в спокойствии. Тогда я только стремилась к этому, я была своенравной искательницей приключений, которая пыталась найти и постичь себя. Но уже после года обучения я стала гораздо ближе к себе нынешней. Казалось, что до университета я вообще ничего не знала и не понимала! К слову, я все активнее писала и чувствовала, как крепчает во мне это умение. Но в малом жанре мне становилось все теснее, поэтому я решила взяться за что-то более крупное. Роман. О, да. Мой первый роман. Я начала писать его на третьем курсе обучения. Странно: что двадцатилетняя девочка может знать о жизни? Но тогда я не думала ни о весомости моей работы, ни о карьере писателя, я просто делала то, что мне нравится – даровала своим умозаключениям словесную оболочку.

В общем, то время было плодотворным. За два года учебы я трижды была дома, но там я не чувствовала того прилива сил, что в Кембридже, поэтому я ждала момента, когда смогу вернуться к своей привычной жизни. Каждый день после занятий я писала в библиотеке или у себя в комнате. Не буду рассказывать, о чем моя первая книга, лучше прочти и скажи свое мнение. Я не думала, что написание романа – это такой сложный и многослойный процесс. Конечно, сначала я нарисовала схему и план работы, обозначила основные проблемы, но потом все пошло просто само собой, хоть я и часто останавливалась в поиске нужной сюжетной линии. Когда у меня наступил первый затор, я не могла спокойно есть и спать. Мне казалось, что сил у меня не осталось даже на это. В голове было пусто, а нужно было готовиться к сдаче годовых экзаменов.

– Ты должна отдохнуть, – говорил мне Гарри, когда весенним утром мы помогли тетушке в саду. – У каждого гения случается творческий кризис.

– Но я не гений, Гарри! Сказал тоже... – я рассмеялась.

– Это пока! В общем, совет от художника художнику – не думай пока о книге, расслабь голову, посвети это время подготовке к экзаменам или чтению.

Так я и сделала. И теперь часто практикую данный метод: когда не пишется, я иду дышать свежим воздухом, читаю или занимаюсь с детьми. Наверно, это самый важный совет всем писателям – уметь отстраниться на время от своего творения, чтобы зарядиться энергией и вдохновением. Иначе велик риск испачкать бумагу всяческой белибердой. Поэтому, вернувшись к книге после сдачи экзаменов, я вдохнула в нее столько прекрасного и свежего! Я смогла влить в нее жизнь и эмоции после того, как слегка отдохнула. Позже у меня будут кризисы длиной в полгода, и я буду очень страдать от того, что не пишу, но сейчас я понимаю, что все к лучшему. Именно те перерывы помогли мне разобраться в себе и своих героях и выразить все в произведении. Эта легкость, когда возвращаешься к своей рукописи, ни с чем не сравнится. Ты словно по-настоящему дышишь. Так я себя и ощущала – живой и свободной. А еще так я всегда могла чувствовать себя в окружении друзей – мои герои стали моей семьей и отдушиной. Когда я писала, я не чувствовала себя одинокой, рядом со мной всегда были частички меня.

Я рассчитывала закончить роман к осени, но уже сомневалась в успехе этой затеи, к тому же, летом я отправлялась домой, где меня ждали бесконечные выезды по случаю моего приезда на каникулы. Родителям не терпелось показать меня всем и похвастаться тем, какая я молодец. Мне всегда казалось это плохой идеей, ведь наше общество еще не дозрело до принятия женского образования, но сопротивляться не стала. Еще один удручающий повод, который пророчил мне отсутствие времени на работу – долгожданное замужество моей сестры. Мама прислала мне письмо до моих экзаменов, я долго смеялась, а потом мы с тетушкой выпили вина за счастье Лиззи. В конце концов, она получила то, чего хотела, и теперь могла спокойно доживать свои исполненные скукой дни.

Вот, что писала матушка:

Дорогая моя Кэрри!

Мы с отцом желаем тебе успешной сдачи экзаменов! Чтобы подбодрить тебя, высылаю посылку с твоим любимым абрикосовым вареньем и кексами. Мы ждем тебя в начале июня. Если хочешь, отец сам приедет за тобой, и вы можете по пути заглянуть в Лондон. Отвлекаюсь от главных событий! Лиззи выходит замуж, мы очень рады! Свершилось! Я уже отчаялась на ее счет. Ну, хотя бы к двадцати трем годам станет женой. Ее жених – Оливер Чайлдиш, небогатый мальчик, но для Солсбери сгодится. Не ведаю, что он нашел в нашей рыжей простышке, только вот предложение сделал на третий визит. Свадьба в июне, поэтому не задерживайся! Крепко обнимаю тебя, моя драгоценная. Привет от домашних.

P. S. Ты, часом, не приглядела кого-нибудь из однокурсников?

Мама

Нет, не приглядела, мама. Вообще, мои однокурсники странно ко мне относились. Но это только по началу, как всегда и бывает, впрочем. Я удивилась, что на нашем курсе целых шесть девушек, однако никто из них не стал мне подругой – они либо задирали носы, либо были беспечными дурочками. На тот момент я уж точно не думала о замужестве и о новых знакомствах. О новых знакомствах я задумаюсь, когда стану предводителем свободного движения в Лондоне, но это будет только после окончания учебы. Думаю, стоит поскорее перейти к этому моменту, потому что он и стал переломным в моей жизни.

XI

Когда моя учеба в Лонгвесте подошла к концу, я некоторое время пребывала в растерянности. Важный этап закончился, и я все думала, что же делать? Я долго вынашивала идею опубликовать свой первый роман. Но местное издательство отказывалось его принимать, поэтому я на время оставила все попытки.

– Может, тебе попробовать себя в роли гувернантки? – сказала мне мама, когда они приехали в Кембридж на мой выпускной.

– Наша Кэрри – гувернантка? – Тетушка Кинг даже отставила чашку чая. – Беатрис, ты в своем уме?

– Полагаю, в Лондоне гувернантки получают неплохое жалованье, – ответила я, размышляя.

Выражение лица моей матушки излучало одобрение.

– Ну уж не знаю, милая, – хмурилась тетушка.

– А что вы предлагаете, тетушка? Мне нужно как-то зарабатывать на жизнь. Да и обременять вас я более не хочу.

– Меня? Обременять? – тетушка улыбалась. – Дитя, да только ты и оживляешь этот дом! Как же я смогу без тебя? Ты единственный человек, с которым я могу от души посмеяться и по душам поговорить.

Это была истинная правда.

– Кэрри, мы с матерью в силах обеспечить тебя, ты можешь писать в Солсбери. А там, кто знает, может, кто-то заинтересуется твоими рукописями! – Отец сидел в большом кресле с чашкой любимого темного кофе.

– Нет уж. Спасибо вам, но мне нужно развитие. Я благодарна вам за те средства, что вы выплачивали мне все эти пять лет учебы. Но полагаю, теперь мой путь лежит в Лондон, где я смогу стать глашатаем знаний! Я хочу попробовать учить. Мне всегда нравилась наша гувернантка – она была так прелестна и так живо давала уроки! Но я буду еще лучше.

– Детка, неужели ты хочешь стать Джейн Эйр? – рассмеялась тетушка, и все следом за ней.

– Ну, любезная тетушка, я стану гувернанткой не по нужде, а по прихоти. Посему, решено!

– Ты всегда можешь вернуться в Солсбери, – сказал отец.

– И выйти замуж, – добавила мама.

– Глупости! – вставила тетя Кинг. – Ей эта чепуха ни к чему! К тому же, в Лондоне ухажеров довольно – одна наша красавица явно не останется.

– Что ж, завтра отправимся в Лондон! – сказал мой отец, вставая с кресла.

– Я тоже поеду с вами, – заключила тетушка. – Мне же нужно проверить, в должных ли условиях будет жить моя любимая племянница! – Я знала, что ей не хотелось со мной расставаться, равно как и мне с ней.

За завтраком я простилась со всеми постояльцами, кое-кто из них был новенький. Миссис Оуэн выдала Мерил замуж, и та уехала в Лондон. Ее жених был очень хороший молодой человек, зарабатывающий на жизнь честным трудом. Я не могла бы пожелать ей лучшей партии. Она приглашала меня в гости, как только мои дела улягутся, и я обоснуюсь в Лондоне. После завтрака ко мне зашел Гарри.

– Экипаж уже прибыл, – сказал он кротко.

– Да, да. Нужно выходить.

Мы помолчали.

– Гарри, спасибо тебе за твою дружбу! – Я взяла его за руку.

Он практически не изменился за эти годы, только немного окреп и купил еще несколько костюмов. Он окончил университет и стал работать подмастерьем у одного художника.

– Пиши, не забывай, – грустно улыбнулся он.

– И ты! И обязательно приезжай ко мне! Я буду так рада.

– Надеюсь, и я скоро переберусь в Лондон. Мое время обязательно придет.

– Ну конечно!

– Кэрри, – я почувствовала неладное по его тону и по тому, как он сдвинул брови. – Я давно хотел сказать... Ну, в общем... Ты всегда была моим другом, и я... – он осекся. – И я желаю тебе хорошо добраться и найти там свое место. Я верю в тебя.

– Да, ты всегда верил, милый Гарри.

Я знала, что он хотел сказать другое – видела по его глазам. В них было столько доброты и преданности, сколько только может вместить себя один человек.

– Что ж, дорогая мисс Кэрри, успехов вам в столице! – мистер Боул подарил мне на прощание отличную книгу по итальянской грамматике.

Мы вчетвером сели в экипаж, и улицы Кембриджа замелькали в окне, сливаясь в одно живописное полотно. Пять лет пролетели, словно один день, меня переполняла добрая грусть, которая рождается в подобные минуты прощания с чем-то очень дорогим и светлым в твоей жизни. К этому чувству примешивалось щекочущее предвкушение чего-то нового и манящего.

Лондон всегда возбуждал во мне особенные эмоции. Для меня это был город возможностей, контрастов и смелых идей. Конечно, пожив там несколько лет, я убедилась в суровых законах этой мрачной столицы, но здесь я обрела невероятный опыт, здесь я встретила Эдварда и опубликовала все свои книги. Тогда, будучи девушкой двадцати двух лет, я не могла и подумать обо всех тех шансах и обо всех лишениях, что ждут меня здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.